

Михаил Елизаров

*По обычаем гор,
по законам Торы*

“Sholumi”

Центр сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка,
культурного и исторического наследия горских евреев

Israel, 2018

Центр “Sholumi” выражает благодарность
Президенту Международного Фонда СТМЭГИ
Герману Рашбиловичу Захарьеву
за содействие в издании этой книги.

По обычаям гор, по законам Торы / Михаил Елизаров. Сборник рассказов. *Печатается в авторской редакции.* Центр “Sholumi”, Israel, 2018 – 114 страниц.

Эта книга является органическим продолжением историко-публицистической книги «Община горских евреев Чечни». В ней отраженно переплетение обычаев горцев Кавказа с еврейскими законами в горско-еврейской общине Чечни, которые хоть и жили по обычаям горцев, но сумели сохранить свою веру и жить по законам Торы.

© Михаил Елизаров, 2018, Israel

© Центр «Sholumi», 2018, Israel

От автора

Дорогие читатели, эта книга рассказов о жизни горских евреев на Кавказе в первой половине XX века.

Книга «По обычаям гор, по законам Торы» – органичное продолжение историко-публицистической книги «Община горских евреев Чечни». В ней отражено переплетение горских обычаев с еврейскими законами в горско-еврейских общинах. Книга знакомит читателя с жизнью общин горских евреев, живших на Кавказе многие сотни лет по обычаям горцев, но сумевших сохранить свою веру и жить по законам Торы.

Почти двести лет, из поколения в поколение люди горско-еврейской общины жили в городе Грозном. Были разные времена, но община не покидала город – община жила. Но волею судьбы в конце XX века, произошли трагические, военные события две войны в Чечне, которые унесли много человеческих жизней. Люди со слезами на глазах покидали свой край. Так нас раскидало по разным странам, но большая часть грозненской общины приехала в Израиль. Где бы мы не жили, разве возможно забыть всё то, что было и осталось там в далёком городе: свои дома, друзей, могилы предков. Наверное, у каждого человека есть свои, яркие воспоминания, которые память цепко хранит на протяжении всей жизни, начиная с самого детства.

В основу некоторых рассказов, легли сюжеты, услышанные от моей мамы Розы Абоевны и моего дедушки Або Нуриловича Исакова, пусть благословенна будет их память.

Многие пожилые, убелённые сединой аксакалы рассказывали, как они дружили с горцами, были кунаками, многие в совершенстве знали несколько кавказских языков, бывали в их селениях и аулах, помогали, а иногда выручали и спасали друг друга. Трудно без тоски и грусти вспоминать о городе где ты родился, вырос и прожил большую часть своей жизни.

В городе была еврейская слободка, где в основном жили горские евреи, была синагога, которую в 1939 году закрыли, но после событий 1991 года здание вернули общине горских евреев. Сейчас в Грозном нет нашей общины, нет синагоги (старое здание за время воин, пришло в негодность и его разрушили). Не слышна на улицах гортанная речь горских евреев, нет еврейской слободы. И только память бережно хранит воспоминания о бывлой горско-еврейской общине, её людях и событиях тех далёких лет.

В том, что вы сегодня держишь в руках эту книгу, большая заслуга руководителя Центра сохранения горско-еврейских традиций «Sholumi» Шауля Симан-Тов и Международного благотворительного фонда СТМЭГИ, за что я им искренне благодарен.

*Михаил Елизаров,
Член Федерации Союзов Писателей Израиля.*

Кровник

Глава 1

Во дворе у Ирмиё свадьба была в самом разгаре. Полный двор гостей, столы ломились от вкусных кавказских блюд и напитков. Звучала задорная лезгинка. Стройный красивый парень и миловидная девушка лихо отплясывали зажигательный кавказский танец, а гости дружно хлопали в ладоши и криками «Орс! Орс! Орс!» подзадоривали танцующих. В это время за воротами, на улице, о чем-то спорили несколько подвыпивших молодых мужчин. Постепенно нарастая, их спор перешел в сильную ругань с недозволенными оскорблениями в адрес друг друга, и внезапно один из спорщиков, Нисон, ударил в лицо стоявшего рядом с ним Шомоилья. Тот среагировал мгновенно, мощный удар его крепкой руки пришелся прямо в лоб обидчику, Нисон отлетел на несколько шагов, упал, и из разбитой брови по лицу потекла кровь. Шомоиль сплюнул, махнул рукой, развернулся и направился во двор, где проходило веселье, как вдруг почувствовал острый удар в спину и сильную боль под лопаткой. Он резко повернулся: перед ним стоял Нисон с разбитым лицом и окровавленным ножом-финкой в руке:

– Ну, теперь ты живым не уйдёшь! – яростно крикнул Шомоиль, прыгнул, как леопард, на Нисона, скрутил ему руку, выхватил нож и со всей силы воткнул в грудь. Нисон заорал, как резаный поросенок, попятился назад, упёрся спиной в забор, обвёл всех мутным взглядом и рухнул на землю со своим же ножом в груди. Всё произошло так молниеносно, что стоящие рядом не успели даже среагировать, разнять, предотвратить. Но случилось то, что случилось.

В самый разгар веселья на танцевальную площадку вскочила пожилая женщина:

– Ой, ой! Убили! Люди добрые! Убили, убили! – плача кричала она. – На улице! Убили Нисона, сына Равино! Какое горе!

Какая уж тут свадьба? Послышались крики, плач, проклятия. Гости, толкая друг друга, с шумом высыпали на улицу, каждый хотел увидеть случившееся своими глазами.

– Ой, какое горе! – слышалось то тут, то там, – трагедия обеим семьям. Они ж теперь кровники навек. Пойдёт вражда, ненависть, начнут убивать друг друга. Вот горе-то, – тоскливо плакали женщины...

Со всех сторон слободки гурьбой шли люди к дому Равино, чтобы выразить свои соболезнования родным и близким убитого Нисона. Они входили в открытые настежь дубовые ворота, мужчины подходили к Равино и его родственникам, жали руку, обнимали и желали:

– Чтобы это горе было последним в вашем роду. Жить тебе, Равино, и всем мужчинам вашего рода до ста лет! Глубоко соболезнуем всем вам!

Равино молчал, низко склонив голову. Он не мог и подумать, что когда-то в его дом придёт такая беда, что когда-то наступит такой страшный день.

«Правду люди говорят: дети должны хоронить своих родителей, но не дай никому Бог, чтобы родители видели смерть своих детей», – думал он в эти минуты.

Постояв немного возле Равино, мужчины отходили вглубь двора и присоединялись к стоящим, о чем-то беседующим людям. Для стариков и пожилых мужчин вдоль забора и на улице возле ворот соорудили скамейки: на сложенные кирпичи положили длинные доски и накрыли их бумагой. Каждый из мужчин стоял в кругу своих друзей или знакомых и вёл тихую беседу о разных делах, в основном о том, что Шомоиль, которого знают, как хорошего порядочного парня, убил этого Нисона. Разговор не клеился: многие испытали на себе или своих близких гадкие выходки покойного Нисона,

но, по горским обычаям, нельзя плохо говорить о покойном. Старики сидели на скамейках, опёршись на палки, задумчиво нахмутив седые брови. Кто-то о чем-то беседовал, а некоторые даже слегка задремали под лучами заходящего солнца.

...В большом доме Равино комнаты устланы коврами. Женщины сидят полукругом, поджав ноги под себя, и плачут. Из дома доносится женский плач. В одной из комнат на полу лежит покойник, покрытый белой тканью. Входящие сюда женщины бьют себя в грудь кулаком и восклицают:

– Ой, горе! Ой, несчастный! Ты ушел из жизни преждевременно, такой молодой! Будь проклят убийца! Вой! В-ой! В-о-й! – и бьют себя по лицу.

Для выражения своей особой скорби и горя близкие родственницы рвут на себе распущенные волосы, царапают ногтями лицо в кровь. Плач начинает опытная плакальщица – старуха Нэмиё. Их, плакальщиц, на слободке много, каждая делает гире по-своему, но таких, как она...

Нэмиё стоит на коленях посреди комнаты и бьёт руками по своим сухим щекам, затем, скрестив руки, бьёт себя по груди, издавая душераздирающий крик: «Вой! В-о-й! Вой!», – а женщины подхватывают ее плач: «Вой! Вой!»

Чем же так пленит слушателей гире¹ Нэмиё? Слышавший ее хоть раз запомнит надолго, и уже плач других плакальщиц не будет звучать также трогательно и горестно. В своем гире Нэмиё нараспев, подробно рассказывает о случившемся, о жизни покойного, о его предках, всех хороших и трагических событиях в жизни их рода. Во всем этом горесть, стоны и жалобы, обращенные к Богу, каждое её слово попадает в самую глубину человеческой души. Плач и причитания Нэмиё, ею же и сочиненные, – это поэзия горя и скорби, с одной сто-

¹ Гире (*горско-еврейский*) – поминальный плач.

роны, злоба и ненависть, с другой. Ни женщины, ни мужчины, слушая её, не могут удержаться от рыданий, и лишь седые старики сидят, нахмурившись, не показывая эмоций. Вот почему появление Нэмиё на похоронах всегда сопровождалось многочисленными сборищами людей, а в общине её любовно называли «наша Шульженко».

Обезумевший от горя, уставший и сломленный Равино, слушая плач Нэмиё, вдруг сорвался с места, забежал в дом, стал к ней лицом, ударил себя кулаком в грудь и начал надрывно причитать:

– Ой, какое несчастье! Какое горе пришло в мой дом. Погас свет моих очей! Ой, сынок! Не сберег я тебя! Лучше отцу умереть от рук злодея, чем пережить такое горе!

Женщины подхватили скорбный крик Равино: «Вой! Вой! Вой!». Нэмиё ударила себя ладонями по коленям и, качаясь из стороны в сторону, обратилась к нему:

– Гушдор, бирорме Равино, чуй мигуюге Нэмие хагъер туь: кук туь ождогъо бу, жогъил, зениш не хосде, думор не-бире рахтей эз-и гуьлом! Изму кук туь, Нисон, ни-бу биней хуней туь! Вой! Вой! Не гирдей несиб юре! Не гирдей! Ичуь гъагъри эри туь, Равино! Миром о пушей туь, Равино! Гири-сит эри Нисон, гирисит! Вой! Вой! Во-й! В-о-й!¹

– Вой! Вой! В-о-й! – кричала и ударяла себя кулаком по голове Нэмиё.

– Вой! Во-й! В-о-й! – вторили ей женщины.

Равино стоял у дверей и стонал, слёзы текли по его щекам. Подошли двое мужчин и вывели его во двор:

¹ Слушай, мой брат Равино, что скажет сестра Нэмиё: твой сын – богатырь, молодой – молодой ушёл из этого мира, еще не женившись, ушел. Твой любимец Нисон не станет теперь опорой твоего дома! Не удержал своего счастья! Не удержал! Какое горе для тебя, мой брат Равино! Умереть мне перед тобой, Равино! Плачьте люди по Нисону! Плачьте!

– Равино, брат, слезами горю не поможешь. Все в руках Бога. Успокойся, возьми себя в руки, ты ведь мужчина! Значит, так было написано – это судьба! – Один из близких друзей Равино подошёл, взял его под руку и увёл в глубь двора...

Мать убитого Нисона, Гузель, сидела в доме среди женщин, опухшая от слез, с распущенными волосами, кровавые следы от ногтей остались на её щеках. У неё уже не было сил, она сидела, опёршись о стенку, и не плакала, а тихонько скулила, как раненое животное. Красивая, стройная, умеющая легко ходить и гордо нести свою голову, всегда шикарно одетая Гузель сейчас была неузнаваема: горе сильно изменило ее внешность. Белая как полотно, беспомощная, она вдруг рванулась из рук державших ее женщин, ударилась головой о стенку, начала бить себя кулаками в грудь, затем вырвала клоч волос и завывала:

– Зачем я родила тебя? Лучше бы мне умереть вместо тебя! Ты так молод, мой сынок! О, будь проклят убийца и весь их мужской род! Чтобы его мать постигло моё горе! Вой! Во-й! В-о-й!

Женщины окружили её, застонали и разноголосно нестройно заплакали: «Вой! Во-й! В-о-й!»

Так продолжалось до поздней ночи.

На следующий день, после утренней молитвы в синагоге, в доме Равино стали собираться люди. Одни занялись шитьём савана, другие принялись обмывать убитого Нисона. Затем одели его в белый саван.

Мужчины, которые копали могилу, должны были сообщить, когда можно выносить покойника. Ближе к полудню во дворе собралось невероятное количество людей, казалось, весь город был здесь. Принесли специальные носилки, уложили на него покойника, стали выносить из дома. Гузель несколько раз теряла сознание, и близкие женщины приводили её в чувства. По горско-еврейским обычаям, в день похорон женщины не должны идти на кладбище. Не идут даже мать,

жена, сёстры, тёти, бабушки. Прощание с близким человеком происходит у ворот двора. Это сопровождается негодованием, криками и всплеском ужаса сострадания у людей, оставляет тягостно-горестный осадок.

Равино выходил со двора с поникшей головой, близкие друзья поддерживали его под руки. Вся слободка огромной толпой провожала Нисона в последний путь. Пройдя некоторое расстояние от дома, женщины вернулись обратно, а процессия, состоящая из одних мужчин, двинулась по направлению к кладбищу. Четверо мужчин несли покойника на носилках. Через несколько кварталов они положили носилки на катафалк. Впереди идущий раввин и несколько пожилых людей произносили молитвы, а люди шли за чёрным катафалком, молча склонив головы. Почти все думали об одном и том же: «Кровную месть еще никто не отменял. По закону гор, стыд и позор тому, кто оставит кровь близкого неотомщённой. Даже страшно подумать, что начнёт твориться между двумя теперь враждующими семьями!? Сколько еще безвинных жертв им предстоит пережить!?»

Когда пришли на кладбище, Равино, встав у свежевырытой могилы, преобразился. Вместо горя и скорби на его лице появилось выражение угрюмой, непримиримой злобы. Он выпрямился, набрал полную грудь воздуха и со слезами на глазах закричал:

– Сын мой! Клянусь у твоей могилы: не пройдет и года, как умрет твой убийца! – и вдруг, сдернув с головы каракулевую папаху, он бросил её на землю у носилок. – Клянусь! Не носить мне этой папахи, если я не отомщу за твою кровь!

Толпа мужчин, до этого молчавшая, загудела, крики росли и сливались, люди перебивали друг друга.

– Равино, сердцем ты прав, но ты не считаешься с обычаями нашего миролюбивого народа! Да, у тебя непоправимое большое горе, но твой почтенный возраст, седые волосы и

положение в обществе не дают тебе права на малодушие и месть! – сказал, обращаясь к нему, главный раввин!

Равино слушал, опустив глаза. За эти дни он резко постарел, сильно изменился, лицо его стало серым и грозным. Выслушав, он помолчал, а потом, обращаясь ко всем, громко и душераздирающе закричал:

– Прав я или неправ, но видит Бог, моя ненависть к убийце сына утихнет только тогда, когда он будет лежать на этом кладбище!

Покойника опустили в могилу. Каждый из присутствующих должен принять участие в погребении, поэтому все мужчины по очереди засыпали могилу землёй. Раби прочёл молитву, Равино прочёл кадиш. Люди стали медленно расходиться. Последними от могилы, отошли близкие родственники, ведя под руки убитого горем Равино.

Глава 2

Как непредсказуема порой наша жизнь! Кто мог предположить, что такое радостное событие, как свадьба у Ирмиё в доме, закончится убийством?!

Шомоиль был ранен в левый бок. Трое суток он не приходил в себя, в бесспамятстве стонал и метался в постели. Все эти дни мать и сёстры плакали у его кровати, накладывали ему на лоб мокрое полотенце, меняли повязку с мазью, отпавляли настоем из трав, приносимых местной знахаркой. Красивая и румяная Лиё, мать Шомоиля, казалось, перенесла тяжёлую болезнь. За несколько дней она изменилась: щёки ввалились, глаза потускнели, в них не было прежнего блеска. Женщина не спала по ночам, осунулась, похудела. Дни и ночи боролась за жизнь единственного сына. Её не покидала одна мысль, что ждёт его в этой жизни, он ведь теперь кровник, и ему грозит смерть.

К вечеру на третьи сутки состояние Шомоила начало меняться в лучшую сторону. Он пришёл в себя, больше не терял сознание, не бредил, стал разговаривать осмысленно.

– Сядь ко мне поближе, – попросил он мать, делавшую ему перевязку. Лиё села на краешек кровати, обняла и поцеловала сына. – Спасибо, мама! Ты с сёстрами спасла мне жизнь. Я наверно вас всех замучил, – прошептал Шомоиль, нежно целуя мать. – Расскажи, как я попал домой?

– Сначала, сынок, я услышала крики со стороны двора Ирмиё, потом прибежала соседка Томор, вся в слезах, с криками, что ты кого-то убил. Я, в чём была, бросилась из дому, а навстречу мне уже шли твои друзья Анух и Ручиль. Они тащили тебя под руки. Ты был весь в крови и без сознания. Ребята всё нам рассказали, и все эти дни они не уходили от нас – охраняли с отцом дом от нападения. Какое горе, сынок! Ведь Равино и твой отец с детства были друзьями, почти как братья! Мой бедный мальчик, – нежно обнимая сына, простонала Лиё. – за что Бог немилостив к нам? Что теперь будет? Я так боюсь за тебя, сынок! Боже, помоги! – женщина подняла свои обессиленные руки вверх и горько заплакала.

– Не плачь, не плачь! Мама, клянусь могилами наших предков, клянусь здоровьем отца – видит Бог, нет здесь моей вины. Но на мне кровь! Не думай, я не боюсь! Я для них кровник, и сам отвечу перед их родом.

– Нет! Нет, сынок, теперь мы оба кровники, – сказал вошедший в комнату отец Шомоила, Бухур, подошёл к кровати, обнял и поцеловал сына. – Мальчик мой, я уже не молод, я и отвечу. Пусть прольётся моя кровь, если этого хочет Равино. А ты должен скрыться на время от их мести. У меня есть близкие друзья среди чеченцев, они живут в Ведено. Это высоко в горах на границе с Дагестаном. Там тебя никто не найдёт. А здесь я постараюсь наладить мир, или пусть меня убьют, но тебе надо исчезнуть. Наступило тягостное молча-

ние. Каждый думал о своём: Лиё беззвучно молила Бога пощадить её семью, Бухур размышлял, как тайно и безопасно отправить сына из города, а Шомоиль – о том, что не может вот так уйти и бросить родных в страшной опасности.

С той поры Бухур, когда-то частый гость мужских посиделок в слободском кругу, стал мрачен и нелюдим, почти совсем не выходил из дома, чтобы не встречаться со своими врагами и их родственниками. Он даже к своим друзьям не ходил. Все теперь приходили к нему, и каждый что-то советовал, предлагал свою помощь. Все говорили, что Шомоиль надо на время исчезнуть, а старшим – любым путём сделать мир с семьей Равино.

...Безлюдно и тихо было в тот поздний час, когда на пустынных улочках появился неизвестный в длинной чёрной бурке и надвинутой на глаза папахе. Блуждая по слободке, он сделал круг возле дома Бухура. Незнакомец приближался и удалялся от своей цели, но было ясно: это наёмный мститель, который должен выследить и убить Шомоиля. С этого дня, по настоянию родителей и друзей, Шомоиль перестал ночевать дома. Он скрывался у своих верных друзей, которые костями лягут, но друга в беде не бросят и в обиду ни дадут.

В один из вечеров домой к Бухуру пришли его близкие друзья Хизгиил, Манай и Ирмиё.

– Желаем твоему дому счастья и радости, брат Бухур, – сказали в один голос гости, проходя в дом.

– Нет у меня больше радости, – проговорил Бухур, усаживая друзей на тахту, покрытую цветным паласом. Сам присел на табурет, вынул трубку и задымил. В комнате воцарилась грустная тишина. Прервать её решился Манай:

– Не надо отчаиваться, – начал он, предварительно кашлянув пару раз. – Жизнь по-всякому может повернуться. Думаю, нужно собрать джаамат и предложить Равино мириться. Конечно, сейчас это невозможно, нужно немного выждать, ведь горе у Равино большое, рана свежая. Его чувства можно

понять – всё внутри требует отмщения. Пусть пройдёт время, а Шомоилу нужно пока исчезнуть. У нас у всех есть близкие друзья среди чеченцев в разных аулах. Они – народ гостеприимный, к тому же не раз укрывали наших евреев от кровной мести. Помните, как Дапуй Рахмилов убил армянина Вазгена и убежал от кровников в Большую Чечню? А где-то через год наши старейшины пошли к родственникам Вазгена, дали большие деньги и ещё кое-что, и все получилось – откупились и примирились. Потом Дапуй вернулся в родительский дом.

Манай умолк и задумался, но его поддержал Ирмиё:

– Брат Бухур, ты знаешь, как я к тебе отношусь, как люблю твоих детей и уважаю всю твою семью, но Равино тоже мой друг и брат. Мы с детства все были вместе. Я и к его семье и детям отношусь с любовью. Надо же было случиться, чтоб на свадьбе моего сына произошло такое несчастье! Мы все знали про выходки Нисона, особенно когда он бывает подвыпившим, но про мёртвых нельзя говорить плохо. Все знают, кто в той драке виноват, но ведь ничего уже не поправишь. Главное – не допустить, чтобы ещё пролилась кровь. Пойми, Бухур, мы твои друзья, но мы и друзья Равино. Нам сейчас очень трудно, как говорят, мы попали между двух огней. Клянусь, мы постараемся сделать всё, чтобы между вами наступил мир. Но Шомоиль должен срочно покинуть общину, уйти из города. Ты должен настоять на этом. Думаю, Равино не посмеет мстить твоей семье или посылать кого-то, чтобы убили тебя. Сейчас ему нужна жизнь Шомоила.

– Все так, – вступил в разговор Хизгиил, – у Равино большое горе, у тебя ситуация сложная, да и все мы в очень скверном положении. Отправляй сына к верным друзьям – чеченцам, Бухур. Ещё мой покойный отец рассказывал, как однажды похитили девушку. Родственники напали на след, нашли дом, где похитители прятались. Начали требовать,

чтобы похитители отдали девушку, а в ответ раздались выстрелы, началась перестрелка. А в результате – несколько раненых и убит жених. Убитого жениха вместо свадьбы похоронили, раненых вылечили, девушка вышла замуж, а вражда и кровная месть между родами осталась и длилась много лет, пока не собрался джаамат и не предложил прекратить кровопролитие и помириться. Кровники послушались старейшин и примирились...

– Шолом Алейхум!¹ – в комнату вошел Шомоиль, и наступила тишина.

Он подошёл, обнял каждого из гостей, поинтересовался их здоровьем. Друзья Бухура, побыв ещё немного, стали прощаться и засобирались уходить.

– Шомоиль, сынок, – сказал уже на пороге Ирмиё, – случай для нас всех очень сложный, поэтому мы уже сказали и говорим тебе: уходи в Чечню, к друзьям вашей семьи, в горы. Мы надеемся, что всё утрясём, но для этого нужно время. Мы уверены, что твоего отца, ваших близких Равино не будет трогать, но тебе на какое-то время нужно исчезнуть.

...В эту ночь Шомоиль остался дома. Он поднялся с кровати, когда пропели первые петухи. В доме никто не спал. Лиё с дочерьми всю ночь готовили еду и собирали вещи Шомоилью в дорогу. Мешок получился тяжёлым и забитым доверху. Пропели вторые петухи.

– Надо торопиться, светает, – забеспокоился Бухур.

Шомоиль оделся, снял с гвоздя потёртую отцовскую бурку, взглянул на собранный мешок, развязал его, вытащил половину вещей, снова завязал, закинул на плечо, взял папаху и стал прощаться с родными.

– Прости, отец, – он обнял отца, – не волнуйтесь за меня, мои дорогие, со мной всё будет в порядке, я буду переживать за вас всех.

¹ Шолом Алейхум (*горско-еврейский*) – приветствие.

– Сын мой, тебя ждут трудные испытания и лишения, будь стойким и честным. Да поможет тебе Бог. Мои друзья-чеченцы помогут тебе и спрячут в надежное место, – проследившись, напутствовал Бухур.

Шомоиль окинул прощальным взглядом плачущих мать и сестёр.

– Мама, сёстры, простите меня, – обнимая и целуя, нежно говорил он.

– Ой, бедный наш брат! Что мы будем делать без тебя? Как ты там будешь один? – запричитали девушки.

– Как мне теперь жить, для кого жить, мальчик мой родной, – заливаясь слезами, шептала Лиё.

– Прекратите плач! Это нехорошо. Ему предстоит дальняя и опасная дорога, – строго сказал Бухур и быстро вышел.

Надвинув на лоб мохнатую папаху, Шомоиль окинул прощальным взглядом свой дом и шагнул за дверь. Отец стоял во дворе и курил трубку. Увидев сына, он направился к калитке, очень осторожно, как что-то хрупкое, вынул железный засов и положил его на землю. Также осторожно приоткрыл калитку, выглянул и прислушался. Было тихо, если не считать редкий лай слободских собак. На улице никого не было, только в некоторых окнах мелькал слабый огонек керосиновых ламп. Из дома бесшумно вышла Лиё. Несколько минут отец, мать и сын стояли молча, крепко обнявшись, будто хотели облегчить друг другу предстоящее расставание. Шомоиль шагнул за калитку... И через мгновение растворился в утреннем тумане.

Он быстро шёл по знакомым узким улочкам, зажатым с обеих сторон домами, вот уже закончилась и как-то сразу исчезла из виду родная слобода. На горизонте в темно-синей мгле виднелись очертания гор. На востоке загорелась тонкая полоска утренней зари. Шомоиль поправил папаху, мешок и продолжил свой путь...

...Прошло две недели, но от Шомоилия не было вестей. В доме все волновались, понимали, что нападение может быть в любую минуту. Было уже поздно, Бухур нервно ходил по комнате из угла в угол. Маленькая лампочка, висевшая под потолком, излучала слабенький свет. Вдруг он остановился и прислушался: за окном раздался топот ног и тихий сухой кашель, затем скрип калитки и скулящий визг дворовой собаки.

– Началось! – подумал Бухур, схватил ружьё и решительно направился к двери.

– Что ты хочешь делать? – ужаснулась подскочившая Лиё. Она бросилась к двери и решительно заперла её на железный засов.

– Все в другую комнату! Лягте на пол! – прошипел Бухур. В ту же секунду прогремел выстрел, вместе со звоном разбитого стекла эхом прокатившийся по всей округе. Бухур понимал: отвечать нельзя, начнётся перестрелка. Воцарилась короткая тишина, а потом послышались беготня и крики соседей: «Что случилось? Кто стрелял?» Но никто не мог дать вразумительный ответ.

Из соседней комнаты было слышно женское всхлипывание.

– Всё! Прекратите и ложитесь! – строго прикрикнул Бухур. Не погасив лампу, Бухур прилег на тахту, положил рядом с собой ружьё и долго не мог уснуть...

Глава 3

В небольшой ювелирной мастерской всегда были посетители, здесь работал известный на всю округу заргер¹ Мордахай. Он был не только хороший мастер по ювелирному и часовому делу, но и необыкновенно весёлый рассказчик,

¹ Заргер (*горско-еврейский*) – ювелир.

компанейский и знающий почти всё человек. А ещё у него была старинная скрипка, он так виртуозно играл на ней в свободное время, что порой друзья в шутку называли его Мордехай-скрипач. И народ шёл в мастерскую, чтобы просто пообщаться, узнать городские и слободские новости. Многие из подмастерьев, пройдя обучение в этой мастерской, стали хорошими мастерами, работают самостоятельно и с гордостью говорят при случае:

– Я был учеником у Мордехая-заргера! – эти слова становились визитной карточкой мастерства и доверия. Учиться мастерству у Мордехая было много желающих, но он брал не всех. Присматривался, если видел, что парень способный, оставлял и обучал его всем премудростям ювелирного и часового дела.

Мордехай происходил из знатного рода. Когда он был молодым, видя его пристрастие к ювелирному делу, родители и родственники через знакомых и влиятельных людей помогли ему поступить на курсы ювелиров в Санкт-Петербурге, организованные самим Карлом Фаберже ещё при императоре Николае. После окончания курса, заметив его особые способности и старание, предложили ему остаться работать в мастерской при царском дворе, но он отказался. Побеждала тоска по дому, по друзьям, по дорожному, близкому его сердцу, горному, зелёному Кавказу. Вернулся, и вот уже много лет работает в своей мастерской, в родном городе, где все уважают и ценят его труд, а он старается оправдывать их доверие.

На одной из стен мастерской висит фотография выпускников того курса, среди них и Мордехай, он с гордостью вспоминает то время и может часами рассказывать, да так, что собеседник заслушается и порой забывает, зачем пришёл... Вернувшись из Петербурга, Мордехай женился, и вот уже много лет живет со своей женой Мирвори.

Есть хороший дом, выросли и стали взрослыми дети, да и внуки уже большие. Годы идут и делают с человеком своё дело, глаза стали хуже видеть, зрение подводит, да и руки не так уверенно стали вести себя. Уже не всякую работу берёт старый мастер, больше занимается ремонтом часов и ювелирных изделий.

«Постарел ты, Мордехай, постарел», – думает иногда он.

Всё было бы хорошо, только вот прошлой осенью его любимый племянник Шомоиль на свадьбе убил сына Равино, Нисона.

«Как такое могло случиться и почему?» – всё время думает Мордехай. С тех пор нет у него и его родственников радости и спокойствия на сердце. Сейчас Шомоиль скрывается где-то в Чечне, но ничего точно неизвестно – где он, что с ним, а уже прошло больше полугода. Все родные и близкие переживают, сестра Лиё каждый день в слезах, а он, имея столько друзей и знакомых, не знает, как помочь. А тут ещё почти каждый день из милиции то следователь, то участковый приходят и всё спрашивают о Шомоиле, да и люди из рода Равино заходят, всем хочется знать, куда делся Шомоиль.

В один из весенних дней, в послеобеденное время, когда солнце подходило к закату, к мастерской верхом на коне подъехал молодой джигит, стройный, в чёрной черкеске из добротного сукна, на голове – каракулевая папаха, отливающая серебром. Он ловко соскочил с коня и привязал его к дереву. Мордехай взглянул в окно, подумал: «Какой красавец жеребец!»

Войдя в мастерскую, молодой парень вежливо поприветствовал:

– Ассалам алейкум¹!

¹ Ассалам алейкум (чеченский) – мир Вам.

– Ва алейкум ассалам¹! – ответил Мордехай.

– Кто будет мастер Мордехай? – спросил парень на «ломаном русском», оглядывая Мордехая и саму мастерскую, как бы размышляя, туда ли он попал, и можно ли здесь говорить то, что он хотел сказать? Мордехай удивленно поднял глаза на незнакомого молодого чеченца:

– Вот уже больше шестидесяти лет я – Мордехай! Чем могу помочь? – спросил на чеченском Мордехай.

Молодой чеченец улыбнулся и спросил:

– А перстень можешь сделать больше размером, а то он мне стал мал и не лезет на палец, только у него камень дорогой?! – затем достал из кармана брюк завёрнутый в платок перстень и подал в окошко мастеру.

– Лучше меня никто тебе в городе не сделает, – мастер взял свёрток в руки, но только он развернул платок и увидел кольцо, его лицо сразу изменилось – это было кольцо Шомоилия. Мордехай сам его сделал и подарил племяннику в день рождения, когда праздновали мужское совершеннолетие Шомоилия по еврейскому обычаю.

– Откуда оно у тебя? – спросил Мордехай и вышел навстречу парню. Молодой чеченец подошел к Мордехая, протянул руку, обнял и приложил свою щёку к его щеке.

– Я Саид, друг вашего племянника Шамиля, – и полушёпотом начал рассказывать о жизни Шомоилия в Чечне.

– Вы не беспокойтесь, живёт в большом горном ауле. Одинокая пожилая женщина по имени Малика приютила его и стала ему второй матерью. Работает он кузнецом, в ауле у него много друзей, все его уважают. Первое время он находился в одном из сёл, недалеко от города, потом решили переправить его к знакомым, в наше горное село, так как могли выйти на его след враги и городские «собаки». Так Шамиль оказался в нашем ауле. Всё у него хорошо, только он очень

¹ Ва алейкум ассалам (*чеченский*) – ответное приветствие.

сильно переживает за родителей, за сестёр, надеется, что ничего страшного не произошло, и все родственники живы и здоровы. Шамиль просил всем близким и друзьям передать привет, но никому не говорить, где он находится.

– Слава Богу! Слава Богу! Жив мой племянник! – радостно воскликнул Мордехай. – Ты мой гость, ты мой кунак¹! Сейчас я закрою мастерскую и пойдем ко мне домой. Саид, будешь нашим дорогим гостем. Все будут тебе рады. А за добрую, радостную весть тебе баркала²!

– Баркала, дядя Мордехай, путь мой далёкий, мне пора ехать, уже солнце вон где, – и показал на небо.

– Да, вот ещё. Шамиль передал родителям и сёстрам подарки, – он подошел к лошади и снял с седла привязанный свёрток и отдал Мордехаю.

– Это от Шамиля! Он просил, чтобы отцу сшили бешмет, а матери и сёстрам платья. И вот ещё деньги, – Саид полез в карман. Приняв из рук парня мягкий сверток с материалом, Мордехай поблагодарил за подарок и, придержав руку Саида с деньгами, сказал:

– Думаю, им сейчас больше ничего не нужно! Самое главное, что им нужно было – это твоё сообщение о Шомоиле, которое они ждали столько месяцев. А деньги верни Шомоилу, они ему нужнее. Передай моему племяннику от меня, от всей моей семьи, от родителей и близких родственников, верных друзей, салам! Пусть бережёт себя и чаще даёт о себе знать.

Мордехай обнял Саида, крепко пожал ему руку и сказал:

– Баркала! Сынок, ты сегодня сообщил мне радостную весть. Дай Бог, чтобы тебе, моему племяннику и всем, кто

¹ Кунак – близкий друг, товарищ.

² Баркала (чеченский) – спасибо.

ему оказывает помощь, сопутствовала удача в жизни! Адъкёл¹!

Саид запрыгнул на своего жеребца и ускакал, оставляя за собой шлейф пыли.

...На дворе стояла весна, приближались дни праздника Нисону, но по вечерам ещё было холодно. Лиё зажгла керосинку и поставила на нее кастрюлю с водой. Стала разводить огонь в печи, осмотрела духовку, протерла её, достала большую тыкву, разрежала пополам, убрала одну часть, другую порезала на куски, хотела приготовить из тыквы что-нибудь вкусное. Бухур сидел на тахте в глубокой печали, его бледные губы слегка шевелились, глаза были прищурены, со стороны могло показаться, что он молится. Нет, он сейчас не молился, хотя в намаз стал ходить чаще. Его в последнее время одолевала мрачные мысли. На прошлой неделе ему приснился сон, будто в их доме играли свадьбу, женился Шомоиль, жених был босоногим и в рваной одежде, а невеста была одета в чёрный наряд, гости веселились и танцевали... Этот странный сон не давал ему покоя ни днём, ни ночью. Об этом он не рассказывал никому из домашних.

– Не иначе, как случилась беда с сыном, – всё время с тревогой думал Бухур. И от беспокойных дум, от боли в груди он не спал трое суток. Лицо его осунулось, побледнело. Он теперь редко выходил из дома, больше лежал на жёсткой тахте и глухо стонал, глядя в тёмный угол.

Мучительно переживала свое горе и Лиё. Сильно изменилась она: движения стали вялыми, исчезла с лица её добрая улыбка, взгляд стал суровым, словно смотрела она не на белый свет, а в безжизненную могилу. Вдруг раздался стук в ворота.

– Кажется, стучат?! – насторожился Бухур.

¹ Адъкёл (*чеченский*) – до свидания.

В ворота действительно стучали. Лиё выбежала во двор и подошла к калитке, прислушалась. Стук повторился и раздался голос:

– Открой! Открой! Это я, Мордехай!

Лиё открыла калитку и с волнением произнесла:

– Входи, входи, брат! Рада тебя видеть!

Обняла, поцеловала и пригласила в дом.

В узкую калитку, пригнувшись, с трудом вошёл Мордехай. Обняв сестру, поздоровавшись, поспешил войти в дом. На пороге его встретил зять Бухур. Вошёл в комнату Мордехай с сияющим лицом, как-то по-особенному, всматриваясь в бледное, мрачное лицо Бухура, в его покрасневшие глаза. Надеялся, что его приход и сообщение о Шомоиле обрадует всех в этом доме, но боялся сразу сказать. Бухур подал Мордехаю табуретку и предложил сесть, а сам сел на край тахты, в комнату вошла Лиё и стала у стола. В руках Мордехая был свёрток. Положив его на стол, он неторопливо расстегнул верхнюю пуговицу рубахи, повертел головой, будто воротник ему был тесен, снял шапку, и молча смотрел на сестру и зятя. Он понимал, что на душе у них беспокойно. Лиё не выдержала, тяжело вздохнула и с тревогой спросила:

– Брат Мордехай, почему молчишь? Чувствует моё сердце недоброе! Не томи душу! Может, ты что-то знаешь о Шомоиле? – Лиё горько заплакала.

– Успокойся, сестра, придёт радость и в ваш дом, только надо терпение и спокойствие.

– Какая радость, какое спокойствие? Уже больше полу-года нет вестей от Шомоиля. Жив ли он? Где он? Что с ним? Мы не знаем. Лучше бы я умерла, чем всё это видеть и чувствовать! Нет у нас радости! Нет! – с этими словами она стала бить себя по щекам.

– Поэтому я и зашёл, чтобы вас обрадовать и сообщить новость. Слушайте внимательно, заходит сегодня после обеда в мастерскую молодой, красиво одетый чеченец. Как

положено, поздоровался и спросил: «Кто будет мастер Мордехай?». Я спросил у него, что он хочет. Он достал из кармана галифе платок, развернул и подал мне кольцо. «Размером больше сделать можешь?» Кольцо я сразу узнал, ведь я его делал сам в подарок Шомоилю. «Откуда оно у тебя?» – спросил я у него, и вышел ему навстречу. Он подал мне руку, обнял и сказал, что он друг Шомоила и передаёт от него всем его близким, родным и друзьям салам. Я от радости растерялся и даже на глазах навернулись слёзы, еле сдержался.

– Жив, жив мой сынок! – воскликнула Лиё. Внезапно её лицо смертельно побледнело. Хватая руками воздух, она беззвучно повалилась на пол. Дочери прибежали на крик из другой комнаты и положили мать на тахту, приподняли ей голову и стали протирать холодной водой лицо и лоб.

– Вот так она последнее время, – гневно бросил Бухур, – чуть что услышит о Шомоиле, и сразу обморок. На прошлой неделе кто-то на улице сказал, что кто-то от кого-то слышал, что убили Шомоила. Мы, спасибо соседям, чудом спасли её и привели в сознание, а сейчас ты только называл имя Шомоила ...

Когда Лиё приоткрыла глаза, у всех вырвался вздох облегчения.

– Рассказывай, брат Мордехай, что ты умолк? – слабым голосом, еле слышно попросила она. Слёзы радости текли по её лицу.

– Дорогая моя сестра Лиё, нельзя так мучить себя, ведь ты можешь и умереть, и будет горе твоей семье! Тебе надо ещё дочерей замуж отдать, да и Шомоила, когда, Бог даст, вернётся, надо женить. Много ещё у тебя дел и забот, надо беречь себя. Всё будет хорошо! Худо кумек¹!

Мордехай достал трубку, хотел закурить, но воздержался и продолжил свой рассказ:

¹ Худо кумек! (горско-еврейское) – Бог в помощь!

– Живёт Шомоиль высоко в горах, в большом чеченском селении, работает кузнецом. Он не один, у него много верных друзей, и жизнь его в полной безопасности. Одинокая вдова Малика приютила Шомоиля и стала ему второй матерью. Много лет прошло, как убили её мужа и двух сыновей, и все эти годы она жила одна, сейчас по просьбе одного из её родственников, временно у неё живёт Шомоиль. У её мужа была своя кузница, но после его гибели в ней никто не работал, вот Шомоиль и стал кузнецом. Его там называют Шамиль, все уважают, и он нужный человек в селе. Я надеюсь, что там его никто не найдёт, будет спокойно жить и работать, а мы постараемся сделать здесь с Равино и его людьми мир, чтобы Шомоиль мог скорее вернуться в отцовский дом.

– Я, наверно, не доживу до тех дней, когда мой сын будет дома, – промолвил Бухур.

– Дай Бог, дай Бог ей здоровья и многих лет жизни, – шептала Лиё, почти беззвучно шевеля губами, повторяя с благодарностью «Малика» – имя неизвестной чеченской женщины, приютившей её сына.

– Не волнуйтесь, надеюсь, всё будет хорошо! Только, прошу вас, не говорите никому о том, что вам известно о Шомоиле. Ну, я пойду, а то уже поздно, – Мордехай встал, думая уйти, но вспомнил про сверток.

– Вот, Шомоиль послал через своего друга вам подарки. Деньги тоже передал, но я не взял и вернул, думаю, они ему сейчас нужнее.

Мордехай протянул сестре свёрток и собрался идти.

– Нет, нет! Никуда ты не пойдёшь! Сейчас мы с девочками быстро сделаем твой любимый хинкале¹, тесто готово, и вода уже закипела, а рури быстро пожарим. Ведь у нас сегодня такой радостный день. Мордехай, брат мой, ты принёс такую радостную весть, – вытирая слёзы, бодро промолвила

¹ Хинкале – блюдо горско-еврейской кухни.

Лиё и попыталась встать с тахты. Девочки подошли к матери и помогли ей подняться.

Глава 4

Солнце поднималось из-за гор, расплывались молочные облака.

Прокричал предрассветное кукареку петухи, залаяли, завывали огромные, лохматые, кавказские овчарки. Село пробуждалось, над саклями поплыл сизый дымок от разжигаемых домашних очагов, голос из минарета громко зазывал правоверных мусульман на молитву.

Была пятница – святой, праздничный день у мусульман.

Рано утром почтенные, седобородые старики, опершись о свои палки, одетые празднично, в красивых черкесках и бешметах, в огромных папах на бритых головах, шли на утреннюю молитву. Несколько человек уже расположились на гладких каменных скамейках, стоявших возле мечети, перебирали в руках четки, говорили еле слышно слова утренней молитвы. Вот распахнулись двери мечети, молящиеся, теснясь и подталкивая друг друга, стали пробираться к дверям. Старики, оставив у входа крючковатые палки и верхнюю обувь, входят в мечеть, за ними – все остальные верующие. Весь пол внутри мечети устлан коврами. Опускаясь на ковёр и потрясая поднятыми вверх руками, верующие молятся всемогущему Аллаху. Молитвенный зал забит до отказа, и народ уже стал располагаться на площади возле мечети. Из узких, кривых каменных улочек и переулков идут правоверные мусульмане к мечети, и площадь постепенно заполняется народом.

В сакле старухи Малики ещё темно, Шамиль спит крепким богатырским сном и ничего не слышит.

– Гант¹, вставай, пора на работу, на дворе уже солнце! – это Малика старается разбудить Шомоила.

Он сбрасывает стёганое одеяло, подскакивает с нар, потягивается, сладко зевает.

– Нана², приготовь поскорее еду, я спешу, – попросил Шамиль и стал быстро одеваться.

– Дикинду³, Шамиль, – ответила Малика и стала разводить огонь в очаге. Быстро замесила в глубокой деревянной чашке кукурузную муку и начала печь чурек. Вскоре она вытащила из печи поджаренный, горячий чурек, налила в глиняную чашку молока, а сверху – густой чай, заваренный пахнущей травой, и подала.

– Кушай, кушай, сынок! Вечером приготовлю твой любимый жижиг-галныш⁴ с мясом.

– Нана, успокойся, всё хорошо, всё вкусно: и чурек, и пахнущий молочный чай, – сказал Шамиль и обнял свою вторую мать, добрую Малику.

– Да поможет тебе Аллах, Шамиль! У тебя работа тяжёлая, береги своё здоровье, не работай допоздна, всю работу не переделаешь! – чуть слышно промолвила Малика.

Шамиль быстро вышел во двор, отвязал коня, который стоял под навесом, погладил и сказал ему несколько добрых слов, ловко надел седло и вывел на улицу. Малика собрала в узелок кукурузный чурек, кусок сушёного мяса, лук, соль и вышла во двор. Быстро подошла к калитке и протянула узелок уже сидевшему на коне Шамилю:

– На, возьми! Покушаешь на работе.

– Дикинду! Баркала, нана! – молодой человек на ходу взял свёрток и ускакал.

¹ Гант (*чеченский*) – сын, сынок.

² Нана (*чеченский*) – мама.

³ Дикинду (*чеченский*) – хорошо.

⁴ Жижиг-галныш – национальное блюдо чеченской кухни.

В верхней части села располагалась кузница, в которой с восхода солнца и до темноты работал Шамиль. Малика, проводив его, опёрлась о плетень и долго смотрела вслед удаляющемуся Шамилю. Со слезами на глазах она вспоминала, как год назад появился в её доме этот парень, и теперь ей есть о ком заботиться. «Великий Аллах послал немного счастья», – думала Малика. С тех проклятых дней, когда убили мужа и двух её сыновей, для неё весь мир погрузился в траур. Их нашли убитыми в лесу, по дороге в город. Прошло много лет, а убийц так и не поймали. Малике было чуть больше пятидесяти, а выглядела она на все семьдесят. Когда-то была одной из самых красивых женщин в ауле, а сейчас горе сильно изменило её лицо и характер, исчезла улыбка с лица, она стала неразговорчивой, замкнутой, редко выходила на улицу, а если и выходила, всегда была во всём чёрном. В прошлом году прискакал к ней один из близких родственников – Ахмад-Хаджи, с ним был незнакомый джигит. Он попросил:

– Если возможно, спрячь на некоторое время этого парня, он – сын моего лучшего друга из Грозного. Зовут его Шомоиль, горский еврей, он отлично говорит на нашем языке, знает его и уважает наши обычаи. К тому же он может быть кузнецом, а у тебя с тех трагических дней кузница стоит закрытой. Клянусь Аллахом, поверь мне, он будет тебе как сын, – и рассказал о Шомоиле всё, что знал. С тех пор, как приютила Малика беглеца, она стала ему второй матерью. И имя Шомоилу дала чеченское – Шамиль.

Низкая, закопчённая кузница, в которой работал Шамиль, располагалась в верхней части рынка. Здесь с раннего утра до позднего вечера звонко раздавались удары тяжёлого молота по наковальне. Как только он приходил, раздувал горн, чёрный дым заполнял гарью и жаром кузницу так, что приходилось открывать двери, затем приступал к работе. Её всегда было много, так как Шамиль исполнял любое дело

добросовестно и мастерски. В селе все уважали Шамиля, да и Малика полюбила его как сына.

...В кузницу вошёл пожилой чеченец и с порога поприветствовал:

– Ассалам алейкум!

– Ва алейкум ассалам! – на приветствие ответил Шамиль, остановил работу и посмотрел на вошедшего мужчину.

– Шамиль, мне нужно, чтобы ты подковал моего коня, мегурду¹?

– Валлах, мегурду! Через две минуты закончу.

Закончив работу, Шамиль вышел на улицу посмотреть и выполнить просьбу пожилого человека. Он заново подковал лошадь, хозяин остался доволен работой и достойно расплатился за труд. Поблагодарив, молодецкато запрыгнул на коня и ускакал. Шамиль помыл руки, достал из кармана папиросы, закурил. Когда он был один, всё время думал о своей будущей жизни и не представлял, что его ждёт.

Во двор кузницы с шумом вошли двое молодых парней – Саид и Алихан, поздоровались, обнялись и весело сказали:

– Эй, Шамиль, бросай стучать молотком. Пошли гулять в центр села, а потом к реке.

– Дикинду! – ответил Шамиль. Он оставил работу, скинул с себя фартук, умылся, переоделся и вышел на улицу к друзьям.

Молодые джигиты в пятничный день наряжались в красивые черкески из тонкого сукна, шёлковые бешметы, опоясанные серебряными поясами, на которых висели острые кинжалы – достоинство каждого горца. Обычно молодёжь собиралась за селом на поляне, там, где с отвесного склона горы стекает холодный сверкающий водопад, а внизу, в ложбине, он образовал удивительно красивое озеро, которое переходит в речку, туда и направились друзья Саид, Алихан и

¹ Мегурду (чеченский) – можно.

Шамиль. Парни расположились на камнях возле озера, шумно разговаривали и перебрасывались шутками между собой, лениво покуривали, выпуская тонкий дым, и поминутно поплёвывали по сторонам.

По тропинке, ведущей к речке, шли гуськом молодые, стройные девушки. Они несли на своих тонких плечах большие пузатые кувшины с узкими горлышками, чтобы набрать родниковой воды для дома. Девушки были одеты нарядно, в длинные яркие платья с широкими рукавами, закрывающими руки целиком; красивые, серебряные пояса подчёркивали талию. Шёлковые платки прикрывали длинные толстые косы. Вот девушки подошли к водопаду, спустили с плеч кувшины и медленно зачерпнули узкими горлышками воду. Наполнив водой кувшины, поговорив и посмеявшись, они ловко вскинули их на плечи и пошли в обратный путь, но молодые джигиты Алихан, Саид и Шамиль вскочили и преградили им дорогу. Девушки остановились, нельзя им переступать дорогу мужчинам, таков вековой обычай горцев. Они опустили глаза под влюблёнными жгучими взглядами молодых парней.

– Ух, красивая! Клянусь Аллахом, красавица! Посмотри, посмотри на неё, Шамиль, – сказал стройный Алихан, указывая глазами на девушку в светло-розовом платье.

– Шамиль, я вижу, она тебе давно нравится! Женись, если что, мы поможем украсть её! – Алихан провёл пальцами по тонким усам и придал своему лицу мужественное выражение.

– Валлаги-би лаги¹, поможем украсть! Будет у тебя красавица жена, Шамиль! Для друга всё можно, даже жизнь отдать! – резко промолвил Саид.

¹ Валлаги-би лаги (чеченский) – слова клятвы верности.

– Баркала, Саид! Баркала, Алихан! Кто за меня отдаст такую девушку, я не имею своего дома, двора, своего хозяйства, да и нана Малика, – в раздумье ответил Шамиль.

– Будет у тебя всё: и дом, и хозяйство, а для чего друзья?! Да и Малика за тебя будет рада, если получится. Клянусь Аллахом, всё будет хорошо! – воскликнул Саид.

Вот идёт молодая красивая белолицая девушка, её гордая и независимая походка говорит, что она из достойного, богатого рода. Взглянув в сторону молодых джигитов, увидев Саида, она сдвинула тонкие длинные брови и быстро зашагала к реке. Одета она изысканно и красиво, на ней светло-зелёная парчовая, женская черкеска, на пальцах много дорогих колец, голова покрыта светло-синим, как небеса, прозрачным турецким шарфом. Саид, сверкнув серыми глазами, сдвинув высокую каракулеву шапку на затылок, высокомерно подбоченился, подкручивая длинные усы. Он резко повернулся и пошёл вслед за этой девушкой. Пройдя несколько шагов, она остановилась, ловко сняла кувшин с плеча и стала набирать воду. Саид подошёл к ней.

– Ты нравишься мне, гордая красавица, – обратился Саид, – клянусь Аллахом, давно нравишься! Подними голову и покажи свои чёрные очи, чтобы я видел их, как этот ясный день!

Хадижат от смущения встрепелась и стала поправлять на голове платок.

– Скажи хоть одно слово! Сегодня же пошлю стариков в дом твоего отца. Думаю, они не откажут выдать свою дочь за сына Абубакара из знатного рода Демельхановых, они получат достойный калым.

Глядя перед собой, не поднимая головы, Хадижат крепко сжимала и поламывала свои тонкие пальцы в дорогих кольцах. Девушка не могла понять, шутит джигит или говорит серьёзно, но почувствовала, как забилось её сердце в груди. В голове был один вопрос:

– Что мне делать? Открыться ему? Разве это позволено чеченской девушке? Позор и стыд! Нет, нет пусть он говорит и объясняется! – думала Хадижат. Она часто-часто заморгала тонкими длинными ресницами, застыла, как поражённая в самую душу, и уже не слышала, что говорит Саид.

– Я счастлив, когда вижу и встречаю тебя, а был бы ещё счастливее, если бы ты стала моей женой!

Как раз в это мгновение Хадижат подняла голову и с доверчивым взглядом посмотрела на него. Разве настоящий горец не поймёт этого открытого девичьего взгляда?

– Клянусь Аллахом, никогда не обижу тебя! – сказал Саид. – Не носить мне шапку, если говорю неправду!

Девушка потупилась, смущённо опустила голову. Потом кивнула головой в знак согласия стать его женой. Юноша обрадовался:

– Сегодня же скажу родным и близким и пошлю стариков в дом твоих родителей, таков горский обычай дедов и отцов.

Набрав воды, девушки, одна красивее другой, гордой походкой шли домой, неся на плечах кувшины. Джигиты долго смотрели вслед удаляющимся красавицам. Каждый думал о своём... Когда девушки исчезли, как видение, юноши ещё немного постояли, а затем, взглянув друг на друга, вдруг громко рассмеялись. Резко запрыгнули на своих лошадей и умчались, оставляя за собой облако пыли...

Глава 5

Незаметно пришла холодная зима. Наступил новый 1941 год. Шомоиль при малейшей возможности передавал весточку домой через верных друзей. Все его мысли были о родных, он надеялся, что весной или в начале лета ему удастся вернуться домой.

И вдруг в жаркий день июня по сельскому радио на площади объявили, что фашистская Германия напала на Советский Союз.

– Война! Война! – неслось отовсюду. Всё в один день перевернулось, всё закружилось, всё закружилось. Все вдруг стали озабоченными, но ещё никто даже представить не мог, что ждёт каждого в этой войне. Шомоиль, как только узнал, закрыл кузницу и вернулся в дом старой Малики, отдал ей ключ и стал собирать вещи.

Малика горько плакала и, рыдая, причитала:

– Я знаю, всё это не к добру, не увижу я тебя больше, гант! Да, много людей погибнет в этой войне! Береги себя, Шамиль! Я вижу, это страшная, злая война много горя будет.

– Прости, нана, но мне надо ехать! Баркала тебе за всё, что ты для меня сделала, за то, что приняла как сына. За всё тебе баркала! Как вернусь, обязательно найду тебя.

Шомоиль обнял Малику, взял мешок с вещами и вышел во двор.

– Возьми коня – сквозь слёзы, промолвила Малика.

– Нет, тебе нана он будет нужнее, а я доберусь. Адькёл.

Он подошёл к коню, погладил, сказал несколько ласковых слов и пошёл по дороге в сторону города.

В город Шомоиль добрался поздно ночью следующего дня. Дошёл до слободки, кругом было темно, но на душе стало тепло и радостно, что скоро увидит родителей и сестёр. Подойдя к своему дому, почувствовав родной запах своего двора, постоял у ворот, посмотрел по сторонам, на улице было пусто, задумался, вытер лицо, поправил папаху и постучал в калитку. Залаяла собака, узнав Шомоила, закрутила хвостом и стала царапать калитку, звонко лая, побежала к дому, затем к воротам. В доме зажёгся тусклый свет керосиновой лампы.

– Кто там? – слышался голос матери.

– Я, мама!

– Сынок! – выскочила Лиё со слезами радости на глазах. Она открыла калитку, увидев сына, обняла его и разрыдалась, а собака, бегая вокруг них, прыгала то на Лиё, то на Шомоилья, потом легла на его ноги, ударяя хвостом о землю.

В доме все проснулись, вышел Бухур и обнял сына, и они ещё долго стояли обнявшись. В доме радостная суматоха.

– Шомоиль вернулся! – со слезами на глазах радовались сёстра, обнимали и целовали вошедшего в дом брата.

После долгих расспросов и длинной беседы, он пояснил:

– Завтра с утра пойду в наш районный военкомат и добровольцем попрошусь на войну, а спросят, где я был, скажу, уезжал на заработки, думаю, сейчас особых расспросов не будет. Война!

Снова слёзы и плачь, но все понимали, что это было лучше, чем быть убитым неизвестно кем, из-за кровной мести.

Утром следующего дня, Шомоль взял документы, вышел со двора и пошёл в сторону военкомата. По дороге он встретил много знакомых.

Слово война было у всех на устах. Свалилась неожиданная беда, словно смерч развеял покой и радость. Но это была не паника, люди были уверены, что это ненадолго, победа будет быстрая и враг будет разбит. Бом! Бом! Раздаётся звон колоколов грозненской церкви. Толпы народа идут на городскую площадь, все говорят, что в полдень будет выступать с обращением к народу, товарищ Сталин.

Шомоиль уладил всё в военкомате и получил повестку призыва и через два дня должен был явиться для отправки на фронт. Выйдя из военкомата, он пошёл в сторону площади, там с трибуны выступали почётные люди города. Вот на трибуну поднялся первый секретарь, он особо отличался красноречием, но сейчас, оглядев огромную толпу взволнованных людей, в этот знойный июньский день 1941 года, у него от волнения подступил ком к горлу, и он не знал, как начать

выступление. Он дважды кашлянул, потом громко, громче обычного произнёс:

– Товарищи! Германия, без объявления войны напала на нашу страну и 22июня 1941 года в 4 часа перешла границу СССР, а немецкие самолёты начали бомбить наши города и сёла. Враг коварный и сильный, но он будет разбит! Товарищи! Все как один станем на защиту нашей Родины!

Он постоял немного и, вдохновлённый этими речами, пошёл домой. Он, как и все тоже был уверен, что война быстро закончится и ему удастся быстро вернуться домой и начать новую, мирную жизнь.

Настал день отъезда. Шомоиль стоял в кругу провожающих друзей, родных и близких. Родители смотрели по сторонам, нет ли кого подозрительного, помня о кровной мести, хотя здесь много военных и милиции. Вот раздался звучный голос молодого командира:

– Всем мобилизованным зайти за ограждения! Ворота закрыть!

Всё смешалось, душераздирающие крики, плачь, трудно было что-то понять. Бухур напутствовал сына:

– Шомоиль, сынок! Ты смелый, честный, грамотный, но береги себя! На войне быстро можно потерять жизнь, пуля – дура! Если направят, на какие военные курсы, иди у тебя получится.

– Отец за меня не беспокойтесь, в огне не сгорю и в воде не утону! Вы себя берегите.

Лиё и сёстры плакали. Шомоиль обнял всех родных и пошёл на построение. С грохотом, в дыму, в пару подъехал паровоз, со скрежетом и лязгом его прицепили к составу. Командиры объявили посадку. Военный оркестр играет старинный вальс «На сопках Манчжурии». И вот поезд начал набирать скорость в неизвестность. Женщины, дети и все провожающие заливаются горькими слезами...

Права была мудрая Малика, предчувствуя трагичность людских судеб в этой войне. В феврале 1944 года депортировали весь чеченский народ в Казахстан и в Среднюю Азию. По дороге и в первые годы, на чужбине погибло много народа, среди них и Малика, об этом Шомоиль узнал в шестидесятые годы, случайно встретив друга Саида. Сам Шомоиль во время войны был несколько раз ранен, вернулся с войны боевым офицером с медалями на груди. Равино умер, не дождавшись возвращения кровника Шомоиля с фронта. Бедная Гузель очень состарилась. Через неделю после возвращения Шомоиль пригласил друзей отца, своих друзей, родных и близких и сообщил:

– Я вас собрал сказать о своём решении. Вы все знаете, моей вины нет в убийстве Нисона, так бы поступил каждый горец, но я хочу пойти вместе с вами, дорогие мои, к матери Нисона и просить у неё прощение. И я обязуюсь всю жизнь помогать ей, и буду относиться к ней как к близкому человеку. Все согласились и одобрили это решение.

Две жены одного мужа

Глава 1

В самом центре еврейской слободы стоят два каменных, добротных дома с большими светлыми окнами, крыши их покрыты модной красной черепицей, а края отделаны яркой жемчужно-белой и узорчатými желобами для стока дождевой воды. Резные, массивные двухстворчатые двери говорят о состоятельности хозяев. Большие дворы огорожены высоким забором из хорошего дерева, огромные ворота обоих домов сверху окаймлены кирпичной аркой, больше напоминают неприступную крепость. На улице перед домами растут разные фруктовые деревья и красочные цветы. Только на этой улице дорога покрыта асфальтом, а дорожки у домов посыпаны щебёнкой.

В одном из домов живёт со своей большой семьёй Соломон Разилов. Он директор небольшого кожевенного завода, а до революции и во времена НЭПа хозяином был его отец покойный Нуриль. В доме рядом живёт Рамбом Бабижаев со своей женой Марал, состоятельный и известный в городе человек. У него одна из лучших конюшен в городе, более десяти самых красивых фаэтонов, отделанных лакированной кожей и красивой тканью, на мягких пружинах, запряжённых тонконогими, молодыми, резвыми лошадьми. Его фаэтоны в основном обслуживают богатых людей, управляющих и инженеров нефтяных заводов. Большой двор Рамбома разделён низким забором на две половины, в одной расположен дом, в другой части – конюшня, его гордость, рядом хлев для коров, в самом углу двора курятник, перед ним – навес и всегда чистая площадка для фаэтонов.

Соломон Разилов и Рамбом Бабижаев живут в добром соседстве, как близкие родственники. Люди слободки завидуют их дружбе, хорошей жизни и, желая своим детям и близким счастья, говорят:

– Да посетит тебя в жизни удача Соломона и Рамбома.

Отец Рамбома был аребечи¹, работал на кирпичном заводе, на своей подводе развозил кирпичи, делал всё, чтобы прокормить и содержать свою семью, а по вечерам и в свободное время собирал булжники в верховьях Сунжи и продавал их для строительства домов.

Подорвал своё здоровье на тяжёлой работе, долго болел и умер, оставив сыну после себя старую, костлявую лошадь, подводу и ветхий саманный дом.

Рамбом с юных лет мечтал иметь свой красивый фаэтон, отделанный кожей, на мягких модных рессорах, запряженный двумя вороными резвыми лошадьми. Мечтал жить в большом каменном доме с громадными светлыми окнами. Мечтал иметь и носить светлый шёлковый бешмет, черкеску из дорогого тонкого сукна, каракулевую серую роскошную папаху, серебряный пояс и позолоченный кинжал – всё как у богатых, состоятельных людей. Мечты! Мечты! И, как ни странно, мечты его сбылись. Прошли годы, и Рамбом заимел свои фаетоны, резвых коней, каменный дом с большими светлыми окнами. Теперь он ходил в дорогой одежде.

Рамбом считал себя удачливым и умным человеком, которому благоволил сам Господь, но на самом деле он разбогател не благодаря каким-то особым способностям, умению вести какие-то дела или особым знаниям, просто потому что нашёл для этого лёгкий, но верный путь.

Прошло два года после смерти отца, внезапно умерла мать, оставив всё хозяйство и младших сестёр на попечении

¹ Аребечи (*горско-еврейский*) – человек, занятый перевозкой грузов на арбе (телеге).

Рамбома. После смерти отца Рамбом сел на телегу и стал заниматься извозом, как его покойный родитель. Тяжело было работать за гроши целый день на подводе, следить за домом и детьми, и он решил – надо что-то придумать, чтобы разбогатеть.

Он был выше среднего роста, широкоплечий, голубоглазый, стройный, умел сладко и интересно говорить и выглядел старше своих двадцати двух лет. А как красиво он танцевал, многие девушки мечтали с ним выйти в круг под задорную лезгинку. Девушкам он нравился, многие вдовушки и незамужние женщины сладострастно говорили о нём, но у него были свои планы.

Жил в городе один очень состоятельный, из богатого рода, богобоязненный, пользовавшийся почётом и уважением у джаамата¹ и людей общины, Давид Шамаев. Он рано потерял жену, растил единственную дочь Марал. Овдовев, сразу не женился, прошли годы, он постарел. Дочь не получалось выдать замуж, хотя ей уже было за тридцать. Она была высокая, худая, с удлинённым лицом, чёрными большими глазами. Дочь богатого отца, она была всегда одета в новое шёлковое платье, на голове носила красивый платок, на пальцах – массивные и дорогие кольца, на тонких руках – широкие браслеты, в ушах – большие изысканные серьги, на шее – длинную цепочку. Важно ходила девушка по улочкам слободки, а слободские парни не обращали никакого внимания на неё, даже презирали и с насмешкой вслед ей говорили:

–У- у, чёрная ворона!

Встреча с ней не всем приносила удачу в этот день, вот и пошла за ней дурная слава...

Среди других девушек и женщин она выделялась богатými украшениями, красивой одеждой, умением культурно вести себя, соблюдая религиозные традиции, да и глупой её

¹ Джаамат (*горско-еврейский*) – Совет старейшин, миньян

нельзя было назвать, а счастья не было. Рамбом долго думал, присматривался и решил по-своему:

– Что с того, что она некрасивая, длиннолицая, угловатая и старше меня на десять лет, зато она сделает меня богатым. А богатство разве не счастье? – подумывал со всей серьёзностью Рамбом, твёрдо решив, что женится именно на ней.

После принятого решения он при встречах с Марал на улицах, на свадьбах смотрел нежным взглядом, улыбался, подавал знаки уважения, затевал разговоры. Рамбом стал часто посещать дом Давида, всячески старался расположить к себе старика, а ей показать всю серьёзность своих намерений.

Прошёл год, и Рамбом женился на богатой старой деве Марал, свадьба была одной из самых дорогих и громких, пригласили на нее почти всех жителей слободки. Только многие девушки и женщины слободки с ухмылкой говорили:

– Как мог такой красавец жениться на этой старой чёрной вороне? Она старше него на десять лет, да ещё и красотой не блещет.

Вскоре ушёл в мир иной старик Давид, оставив дочери и зятю всё своё богатство. Рамбом умело и уверенно вёл доставшееся хозяйство, приобрёл лошадей, фэтоны и занялся делом своей мечты. Выдал сестёр замуж, продал родительский дом и поделил вырученные деньги между сёстрами.

С годами он стал уважаемым человеком, его даже стали приглашать участвовать в решениях общинных дел, в религиозный суд старейшин. Рамбом жил в своё удовольствие, всё свободное время проводил в кругу друзей, веселясь, выпивая, играя в карты. Шли годы, ближе и ближе подходила старость к его богатой, но не счастливой в семейной жизни Марал. В их доме было всё, но не было семейного счастья, не было детей. Горе такой женщине! Марал, не любимая и забытая мужем, часто плакала, уткнувшись в пуховую подушку в ожидании возвращения Рамбома с ночных гулянок.

С годами в её чёрных, как смола, волосах появилось много седины, на лице морщины, под глазами отёки от тоски и слёз.

Рамбом любил разгуливать с друзьями по улицам слободки, не пропуская ни одной красивой женщины, чтобы не завести весёлый разговор о чём-либо, не рассказать сладостно-грубоватый, шутливый анекдот.

– Ах, какой красивый и видный мужчина Рамбом, видать, надоела ему старая Марал, наверно, хочет завести себе молодую жену, – судачили женщины в слободке.

А молодёжь напевала частушки:

Рамбом цветёт, Марал гниёт,
Дай, да рай-ра, рай ра-ра!

Как-то в пятницу, в канун святой субботы, Рамбом, помолвившись в нимазе¹, вернулся домой с друзьями. Поцеловав мезузу, сказав молитву, мужчины вошли в дом. В большой комнате, ожидая мужа, стояла у окна Марал. Увидев Рамбома с друзьями, она поправила платок на голове и пошла навстречу гостям:

– Хоше морит ишму!²

Друзья Рамбома поприветствовали Марал с наступлением субботы:

– Шобот шолом!³

На доброе приветствие она ответила:

– Шобот ишму шолом! – и вышла из комнаты, чтобы быстро накрыть праздничный стол.

Субботние свечи ярко освещали желтоватым светом высокую комнату, стены были увешаны дорогими персидскими коврами, возле одной стены стояла большая тахта, на ней много подушек, рядом – низкий стол. Мужчины расселись на

¹ Нимаз (*горско-еврейский*) – синагога.

² Хоше морит ишму! (*горско-еврейский*) – приветствие гостей.

³ Шобот шолом! (*горско-еврейский*) – субботнее приветствие.

тахте, облокотившись на мягкие подушки, и продолжили свой разговор. В комнату вошла Марал и принесла на большом подносе еду: плов с аппетитно разложенными кусками бараньего мяса, целиком отваренную курицу, чурек, зелень, положила всё на стол, на котором уже красовался графин с кошерным вином. Она осторожно пододвинула столик к тахте и, пожелав приятного ужина, вышла. Рамбом с друзьями, рассевшись, разлив по стаканам вино, разломав чурек и курицу, помолившись и пожелав радости и счастья этому дому и его хозяевам, выпили вина и приступили к еде. Ели и пили Рамбом с друзьями с удовольствием, громко чавкая, жадно, будто они до этого постились целые сутки. До глубокой ночи наслаждались они, млея от еды, хорошего вина и сладострастных мужских сплетен. Все были в прекрасном и веселом настроении. Плотно наевшись и напившись, друзья, поблагодарив и пожелав хозяевам всех земных благ, стали собираться уходить. Рамбом вышел проводить гостей до ворот. Вернувшись и войдя в дом, он направился в комнату жены, она ещё не спала. Рамбом был в хорошем настроении, и ему хотелось поговорить с женой.

Больше двадцати лет прожили вместе Рамбом и Марал, а детей нет. К кому только ни обращались за помощью, надеялись, многие врачи, да и лекари брались и обещали помочь, увы, шли годы, а результата не было. Марал оказалась бездетной. Муж, потеряв всякую надежду, перестал уделять ей время и обращать на нее внимание.

Рамбом решил поговорить с женой:

– Как быть дальше? Мне уже больше сорока, тебе больше пятидесяти, а детей нет, нет наследника, не будет продолжения рода.

Она сидела в полутёмной комнате, тускло освещённой лампочкой. Увидев, что зашёл Рамбом, она встала, по привычке поправила халат и косынку на голове, из-под которой выбивалась прядь седых волос. Длинный бархатный халат

прятал её худые ноги, зато подчеркивал высокий рост и сухое, худощавое тело, худые плечи резко подчёркивали её худобу, на бледных щеках пролегли впадины, когда-то большие чёрные глаза потускнели. С изумлением прислушивалась Марал к давно забытым ласковым ноткам в голосе Рамбома, она понимала, что состарилась, и теперь не до ласки и нежностей, и вдруг такое внимание.

– Не сердись, – заговорил он тихо и ласково.

– Не сердись, женщина! Всё хозяйство, дела, работа на мне лежат, одному трудно управляться, поэтому, может, и бываю я иногда злой, неласковый. Всё это оттого, что дум в голове много. Вот если бы у нас был сын, да ещё и похож на меня, тогда нужды я не знал бы и не завидовал никому. Не обижайся, Марал, старыми мы уже становимся. Мне за сорок, мои друзья внуков уже имеют, – ласковым голосом продолжал Рамбом, – помру я, да и ты не молода, и всё наше добро кому достанется? Не буду я ходить вокруг да около, скажу прямо, хочу привести в дом вторую жену. Вспомни старика Симху, не счесть было богатств его, купец второй гильдии был при царе, а жена его Ифрот не могла иметь детей, что сделаешь, всё в руках Всевышнего. Он не растерялся, привел в дом молодую второй женой, она через год родила ему сына, потом ещё троих сыновей и дочь. Дети выросли, сыновья женились, дочь вышла замуж, у них родились дети, и выросла семья Симхи в знатный могучий род Симхавых.

Помолчав, Рамбом добавил голосом, не терпящим возражений:

– Прошу не противиться моей воле, будь благоразумной, пойми меня правильно. Другая на твоём месте сама предложила бы мужу. Таков обычай наших предков! Обижен я тобой, не скрываю. Отец мой и два моих брата лежат в земле сырой, да и отец твой там же, некому дать их имена.

Все годы совместной жизни с Рамбом Марал была честной и преданной женой. Она сама умела сделать всё, хотя в доме была работница, могла и постирать, и приготовить вкусную еду, испечь пироги, домашний хлеб, заготовить соленья на зиму, убрать по дому. Она, как все горско-еврейские женщины, умела шить, могла сшить рубашку, галифе, нарядную черкеску и даже мягкие сафьяновые чуквы, в которых так любил ходить Рамбом.

– Да простит меня создатель, чем я его прогневала, – воскликнула Марал и стала бить себя по лицу и телу, затем, подняв руки к небу, взмолилась, – о Боже, прости меня, старую безрассудную женщину!

Успокоившись, она обратилась со слезами на глазах к мужу:

– Ты бы мог обойтись и без моей помощи, чтобы ввести в дом вторую жену. Да станешь ты отцом десяти сыновей, Рамбом! – впервые она назвала его по имени. – Мы прожили столько лет вместе, а что я в своём доме хорошего видела? Ты гулял в своё удовольствие, а я, как батрачка, следила и смотрела за всем. Делала всё, чтобы кругом был порядок, пока не знала все эти годы. А взамен что получаю? Только ругань и упрёки, что я бездетна? А ведь всё это осталось от моего отца, всё это наше родовое, семьи Шамаевых. Хлеб в родном доме поперёк горла. А у тебя каждый день пьянки-гулянки! Зачем брал меня? Не бежала я за тобой, сам приходил в наш дом и просил покойного отца, чтобы он согласился выдать меня. Ты что думаешь, нет отца и меня можно обидеть и сжить со свету, – зарыдала Марал, – нет, у нас большой род, найдутся родственники, которые станут на мою защиту!

Марал продолжала беззвучно рыдать, вздрагивая всем своим костлявым телом, проклиная свою судьбу и всех тех, кто был и не был виновен в её горькой судьбе. Вспомнилось ей, как много лет назад Рамбом стал часто навещать отца, пы-

таясь расположить его к себе, стараясь показать всю серьёзность своих намерений, несмотря на большую разницу в возрасте.

– Успокойся, хватит, не плачь, надейся на меня, – уверенно сказал Рамбом, – ты сама присмотри, согласуй со мной и введи в дом молодую, это будет умно и хорошо. В любом случае, в доме ты старшая, всем будешь руководить и хозяйничать. Думаю, старики джаамата и вся община одобряют такое благородное решение! Он надменно провёл указательным пальцем с золотым перстнем по длинным усам и бороде, подтверждая всем видом правильность сказанного и вышел. Потом ушёл в свою комнату, разделся, лёг на пуховую постель и сразу же крепко уснул, слегка похрапывая. А Марал долго не могла уснуть, решение мужа ввести в дом молодую соперницу не давало ей покоя, сердце сжималось от острой боли, она ощущала себя униженной и оскорблённой, рыдала и приговаривала:

– В отцовский дом, в мой дом чужую женщину хозяйкой! Не будет!

Шли дни, Рамбома не покидала мысль, сказанная друзьями, привести в дом вторую жену.

– Знаю, не желаешь мне полного благополучия, не хочешь сохранить мою родовую фамилию, не желаешь мне покоя, – повторял каждый день Рамбом жене. Она, склонив голову, с волнением и болью слушала мужа и шептала:

– Нет! Нет, не могу! Ой, Худо¹! Дай мне силы и терпения пережить этот позор, эти дни! Ой! Ой! Ой! – Марал ревновала мужа к молодой сопернице, которой ещё не было, и проклинала её. Она ходила по своим близким и дальним родственникам, спрашивая совета. Когда она высказывала мысль отказать мужу в просьбе, старухи качали головой:

¹ Ой, Худо! (*горско-еврейский*) – О, Боже!

– Ой, ой, сестра Марал, не противься воле мужа! У наших мужчин нравы суровые! Будь они прокляты, но без них тоже невозможно! Не ты первая, не ты последняя! Будет лучше, если ты сама присмотришь и введёшь в дом работающую, кроткую, молодую вторую жену. И тебе будет помощь, и хозяйкой будешь в своём доме, – Марал слушала и понимающе кивала головой, хотя не могла этого принять.

– А если будешь противиться мужу, он возьмёт в жёны какую-нибудь красавицу, белоручку из богатой семьи, они будут наслаждаться жизнью, а ты будешь жить в своём доме хуже рабыни.

Однажды пришла её давняя подруга Руго:

– Марал, сестра, хочу тебе предложить одно дело. Хорошую внучку растит моя соседка Биккей. Девушка – сирота, но зато работающая, умная, красивая, скромная. Это то, что тебе нужно!

Марал заплакала и сквозь зубы проговорила:

– Лучше бы мне умереть в животе матери, лучше сгореть в огне, чем дожить до этого.

Глава 2

В одном из переулков на окраине слободки жила старуха Биккей с внучкой. Жители слободки с почтительным уважением относились к ней, она была хорошей мастерицей, умела красиво вышивать и шить. С годами стала часто болеть. Работа и годы, а особенно смерть сына и невестки подорвали её здоровье, ей уже трудно было шить, и она не так много брала заказов. Рахиль, семнадцатилетняя девушка, стройная как тростинка, вступила в ту пору молодости, когда горские девушки особенно красивы и привлекательны. Люди любовались её тонким станом, когда она шла, плавно покачиваясь, словно танцуя, по улочкам слободки. Многие ребята глядели ей вслед и с восторгом говорили:

– Жаль, что она так бедно одета, а то бы всех девушек затмила своей красотой.

Рахиль почти всегда ходила в одном и том же стареньком, но всегда чистом, платье, на ней не было дорогих украшений, и обувь была простенькой, но выглядела она как принцесса.

Рахиль была круглой сиротой. Отец её Симанду работал на нефтяных промыслах рабочим, как-то зимой простудился, заболел и весной умер от воспаления лёгких. Мать, красавица Гиржи, через три года после смерти мужа умерла от туберкулёза, с тех пор живёт Рахиль с бабушкой Биккей. В один из вечеров Рахиль была особенно весела, бабушка подарила ей красивое ожерелье. Надев себе на шею, она радовалась, как ребёнок, кружилась по комнате, останавливаясь у зеркала, разглядывала, как оно выглядит на ней.

– Это мой подарок, внучка, ведь ты уже взрослая. Рахиль, нравится тебе? Не снимай, носи и будь счастлива! Видели бы тебя твои покойные родители, какая красавица ты стала. Чтобы я сгорела! Умереть мне после того как я увижу тот день, когда ты выйдешь замуж и будешь счастлива, – промолвила старая Биккей со слезами на глазах.

Увидев, что внучке понравился подарок, Биккей обрадовалась. У неё засияли глаза, и на старческом лице появилась улыбка. Рахиль подняла фитиль в керосиновой лампе, чтобы в комнате было светлее. С восхищением смотрела она в зеркало и не могла налюбоваться подарком, еле сдерживаясь, чтобы не закричать от радости. Продолжая танцевать и крутиться по комнате, она подошла к бабушке и поцеловала её:

– Келедеде¹, спасибо тебе за всё! Я тебя очень люблю, у меня ближе тебя никого нет!

Биккей поцеловала внучку, вытерла слёзы и ласково произнесла:

¹ Келедеде (*горско-еврейский*) – бабушка, дословно «большая мама».

– Доченька, придёт время, выйдешь ты замуж за хорошего, богатого человека и будешь носить красивые дорогие ожерелья, бриллиантовые серьги, золотые кольца и ажурные, с дорогими камнями браслеты, шёлковые и парчовые платья, нарядную обувь.

Села на тахту и, подперев ладонями подбородок, уткнув локти в колени, погрузилась в глубокую думу. Очнувшись от своих мечтаний, она печально и с тоской проговорила:

– Стара я стала. Нет больше моих сил, руки и ноги болят, да и глаза мои стали слабыми для шитья, почти ничего не видят.

С затаённым вниманием и страхом слушала Рахиль бабушку, а потом села на корточки напротив неё и ласково сказала:

– Теперь я буду работать, буду шить, наймусь к кому-нибудь делать домашнюю работу, а может, и на фабрику возьмут, а ты отдыхай...

– Чтобы я умерла, нелегко мне было прожить свои семьдесят лет, мужа казаки убили в гражданскую войну, твоего отца молодого похоронила, мать твоя умерла следом, ты осталась сиротой, – с болью в сердце говорила Биккей, – а что ждёт тебя, моя дорогая внучка, в этой жизни, не знаю. Пока живу, хочу увидеть тебя устроенной и счастливой, а потом можно и умереть спокойно. Плохо я себя чувствую, наверно, дни мои сочтены. Наверно, не жилец я на этом свете. Всё в руках Бога! – Биккей снова прослезилась.

В дверь постучались. Рахиль вскочила на ноги, поправила на голове косынку и открыла дверь. Увидев на пороге Марал, жену Рамбома Бабижаева, встревожилась, удивлённо пожала плечами и спросила:

– Вы к нам? Проходите, проходите, пожалуйста!

– Да, к вам, голубоглазая красавица, – ласково произнесла Марал,

– Не ждали? Ты, наверно, не знаешь, мы с твоей бабушкой Биккей троюродные сёстры, и я вам не чужая, милая! Слышала, что бабушка болеет, вот и решила навестить сестру, – и протянула большой бумажный кулёк, наполненный фруктами.

Марал решительно переступила порог дома и, увидев в передней на тахте лежащую родственницу, сказала:

– Дай бог счастья твоему дому, чтобы ты всегда была на ногах живой и здоровой, сестра Биккей!

Больная попыталась встать с тахты, но Марал быстро шагнула навстречу и, не дав ей встать, обняла и поцеловала.

– Ох, ох, Марал, пусть твой приход будет к счастью. Проходи, проходи, будь гостем! Забыла ты бедную родственницу, – с горечью молвила Биккей.

Марал села рядом и окинула взглядом комнату, вспоминая, когда же она была здесь в последний раз. Давно!

Рахиль вышла в прихожую, чтобы приготовить чай и сладости для гостыи, она-то знала, как надо встречать гостей. Если что не так, пойдут по слободке сплетни. В это время Марал обратилась к своей родственнице:

– Послушай, сестра Биккей, – она приблизила к ней своё сухое, смуглое лицо, – гляди, какую красавицу-внучку ты растишь. Пора замуж, за неё дадут хороший, большой калым. Отдашь? Из трудностей вылезешь, я знаю, сейчас вам трудно, ты болеешь, и годы у тебя уже не те, жизнь сейчас тяжёлая, хороший жених даст большой калым. Кстати, и приданое достойное можно сделать.

Биккей хотела возразить, но промолчала.

– Рахиль, внученька, приготовь что-нибудь повкусней, а пока налей нам хорошего чая.

Вошла Рахиль с подносом в руках, поставила на столик чай и сладости, вазу с фруктами. Марал только и говорила о замужестве, и в глазах Биккей засветились любопытство и удивление.

– Сестра Марал, не понимаю, куда ты клонишь, сказала бы сразу, безо всяких хитростей, напрямик. Ты что, свахой стала? – И по-старчески пронзительно посмотрела ей в глаза, – не терзай душу! Я – бабушка, и мне, конечно, хочется видеть внучку замужем за хорошим, состоятельным, умным человеком, из достойного рода. Ну, говори, с чем пришла, что у тебя на уме!?

– Можно сказать и напрямик. Мой муж Рамбом хочет ввести в дом вторую жену. Ты же знаешь, живём мы с ним много лет, но нет детей. Так вот, он много раз замечал твою внучку и говорил мне, что хорошую девушку растит твоя родственница Биккей. Мне тоже нравится твоя внучка – домашняя, порядочная.

– Ты что? Ты знаешь, что ей всего семнадцать лет?! – рассердилась Биккей.

– Успокойся, успокойся! Она будет жить как царица, чего, скажи, ей будет не хватать? Всего вдоволь. Лучшая одежда, лучшая еда, всё в нашем доме есть, да что тебе говорить, ты же знаешь! Одно платье два дня одевать не будет, золото, украшения – всё, что захочет. Она будет всеми уважаема, и многие ей будут завидовать, да и я её никогда, пока жива, не дам в обиду, будет она мне, как дочь моя, мне безразлично, кто войдёт второй женой в мой дом, – Марал замолчала.

Вдруг на лице Марал появилась страдальческая гримаса:

– Ой, горе мне, сестра Биккей! Нет наследника, некому передать всё добро после смерти! Вот какое несчастье выпало на мою долю, сватать мужу невесту. Бог даст, твоя внучка родит сына, и он будет продолжателем рода Бабижавых. Мне ведь не всё равно, в чьи руки попадёт наше семейное добро, а ты, Биккей, моя родственница, Рахиль – твоя внучка. – Марал заплакала, вздрагивая всем своим худым телом. – Лучше бы мне умереть, чем дожить до этого дня!

В комнате воцарилась тишина. Рахиль стояла возле окна и, задумавшись, смотрела в него, она не прислушивалась к разговору старших, но почему-то девичье сердце тревожно забилося в груди. Она вздрогнула, вышла в прихожую, подошла к горячей печи присмотреть за кастрюлей.

– Значит, ты пришла сватать мою внучку за своего мужа второй женой?! Он же старше моего покойного сына, её отца, – прошипела Биккей.

Марал взглянула и увидела строгое, мрачное лицо родственницы.

– Сестра, я тебе и твоей внучке добра желаю, думай и не упускай счастливого случая. Красивых и хороших девушек в слободке много, а если Рамбом решил, то он найдёт и приведёт кого-нибудь. Лучше твоя внучка Рахиль, чем другая. Будем жить в мире и согласии, – она тяжело вздохнула и продолжила, – не вечные мы на этой земле, после моей смерти внучка твоя со своими детьми станет хозяйкой всего добра. Уж я-то знаю, что сердцу девичьему нужно. Сама приду и принесу на сватовство золото и бриллианты, надену я ей на шею самое дорогое и красивое ожерелье, на уши – серьги с дорогими камнями, на пальцы – несколько разных дорогих колец, на запястья – браслеты, украшенные дорогими камнями, на голову одену самый красивый шёлковый персидский платок с золотой бахромой. Знаю, Рамбом не молод и не люб, думаю, это не самое главное, время сделает своё. Поживут, будут дети, и всё утрясётся, да и я ей буду во всём помогать, а дети её будут мне как внуки, и на старости лет буду не одна.

– Боюсь я её отдавать замуж, молодая, неопытная, да ещё второй женой. Для меня это так неожиданно, мне надо посоветоваться со своими дочерьми, да и Рахиль должна быть согласна, – тихо сказала Биккей. Попили чай, поговорили о своих предках. Марал собралась уходить, обняла родственницу и тихо произнесла:

– Через три дня я зайду за ответом, а ты поговори со своими детьми, внучкой и подумай! – Она вышла в прихожую, у печи возилась Рахиль. Марал подошла, поцеловала её, и, попрощавшись, ушла.

Девушка вошла в комнату и подошла к бабушке:

– Ой, келедеде! Зачем приходила эта старая чёрная ворона? – Биккей молчала, смотрела на свою внучку, разглядывая, как будто видела её в первый раз.

– Рахиль, свет очей моих, что ты так загрустила? Может, тебя кто обидел? Умереть мне перед тобой, может, где-то я виновата, что случилось, на тебе лица нет?

– Нет, нет, келедеде, у меня ближе и роднее тебя никого нет на этом свете и в этой жизни!

– Вот я и хотела с тобой поговорить о жизни. Ты уже взрослая, а я стара и больна, не знаю, сколько мне осталось жить, всё в руках Бога. У всех свои дети, семьи, а ты осталась сиротой, без матери и отца, конечно, никто из моих детей не оставит тебя в трудный момент, но, пока я жива, хотелось бы устроить твою жизнь и увидеть тебя счастливой, ведь ты – всё, что осталось от семьи моего сына. Так вот, Марал приходила и рассказала о своём положении, у них нет детей, и её муж Рамбом хочет ввести в дом вторую жену, пойдёшь ли ты, моя дорогая, замуж? Марал говорит, что ты для неё будешь как дочка, и вы с ней будете жить в мире и согласии...

– Вот зачем приходила эта старая чёрная ворона! Пришла сватать меня за своего мужа второй женой! Да он старше моего покойного отца! Он мне в отцы годится! Ух, ух, ведьма! Гнать её надо было, келедеде! – Рахиль долго возмущалась, почему бабушка не выгнала Марал...

На следующий день Биккей послала внучку к своим дочерям и пригласила их срочно прийти. Вечером все собрались, Биккей сказала им, что приходила Марал, и рассказала подробно всё, о чём они говорили. Много спорили, даже возмущались, как Марал посмела прийти и говорить о таком.

Всех успокоила старая Биккей и направила разговор в нужное ей направление.

– Дети мои! У нашей Рахиль нет ни отца, ни матери, мы все вместе для неё самые близкие и должны сделать всё возможное, чтобы в её жизни всё было хорошо. Думаю, что это лучший вариант для нашей дорогой Рахиль.

Сообща решили, что это предложение подходящее и лучшее для их племянницы. Позвали Рахиль, и все собравшиеся старались убедить её, уговаривали согласиться и принять правильное решение. Она слушала всех, молчала и горько плакала, как ребёнок. Все эти дни родственники только и говорили, что Рахиль должна согласиться, но она только плакала и ничего не могла поделать. Прошло три дня, к вечеру пришла Марал и произнесла, открыв дверь:

– Добрый вечер вашему дому, – улыбаясь, она хотела поцеловать стоящую в прихожей Рахиль.

– У – у, ведьма! – со злостью выпалила Рахиль и выбежала во двор.

– Вот она какая, твоя внучка, – сверкнув глазами, обратилась к родственнице Марал, – конечно, я её хорошо понимаю, нужно время и терпение, тогда всё наладится. Поцеловав больную, Марал села рядом и начала разговор о сватовстве.

– Ну, что скажешь? Поговорила ты со своими детьми, с внучкой, что решили, сестра?

– Уговорила ты меня, Марал, только вот боюсь за Рахиль! Сильно переживает и всё время плачет. Боюсь, сестра!

– Не бойся, всё будет хорошо, уж поверь мне, я сделаю всё, чтобы не было проблем. И Рахиль будет довольна, и ты будешь спокойна.

Тут же договорились о калыме и о дне сватовства. Все дни Рахиль угрюмо молчала, но не могла перечить своей бабушке, она очень любила и почитала её, и не хотела восста-

вать против её воли. Старая Биккей понимала, что её любимая внучка думала и мечтала о другой жизни... Каждую ночь Рахиль, уткнувшись в подушку, рыдала. Она проклинала свою жизнь и просила Всевышнего о смерти.

В один из вечеров, увидев, что внучка стоит у окна в дальней комнате и плачет, бабушка подошла и обняла её:

– Рахиль, дорогая, да стану я твоей жертвой, чтобы глаза мои ослепли, чтобы я умерла перед тобой! Почему ты всё время плачешь? Не плачь, не горюй, моя хорошая, жизнь моя, сердце моё, не в чужие края тебя отдаём, не в бедную семью ты идёшь, всё у тебя будет. Не бойся, мы всегда будем с тобой, да и Марал не даст тебя в обиду, а если увижу, что тебе плохо или что не так, заберу домой, ты же знаешь свою бабушку.

Рахиль молчала, рыдая, вытирала слёзы и едва слышно простонала:

– Ой, келедеде! Лучше облить себя керосином и предать огню, чем выйти замуж за старика! Ой, создатель, почему ты ко мне так жесток, ты забрал у меня мать и отца, всю жизнь мне их не хватало, сейчас я должна выйти замуж за нелюбимого, чем я прогневала тебя, лучше бы я умерла вместе со своей матерью!

– Что ты говоришь? Остановись, не гневи Бога! Я сейчас умру перед тобой, – кричала и била себя старая, больная Биккей, – если ты так не хочешь, я дам отказ...

Природа, щедро наделившая Рахиль красотой, умом, женственностью, трудолюбием, не дала ей твёрдости характера, так необходимого в повседневной жизни. Она была, как только что распутившаяся роза, но роза без шипов. Рахиль не могла восстать против решения родственников и бабушки, она чтит и соблюдала традиции предков. Нечто похожее случалось и с другими молодыми девушками из горско-еврейских семей, только это и успокаивало немного её. Биккей

обняла внучку, провела старческой, шершавой ладонью по девичьим плечам:

– Я хочу видеть тебя хорошо пристроенной, а уж потом мне можно и умереть спокойно, прости, внученька, если что не так..., – она обняла и долго целовала, и успокаивала Рахиль.

Получив хороший калым за внучку, Биккей докупила всё, что не хватало для приданого невесте, на оставшиеся деньги купила корову, кур, барана и всё остальное, что необходимо было для свадебного дня. Наняла рабочих, отремонтировала курятник, поставила новые ворота и хороший забор, привела в порядок двор.

Настал день свадьбы. Это было в канун осенних праздников, перед началом еврейского нового года. В первый день торжество проходило у невесты, на свадьбу внучки Биккей пришло много людей. Вся община уважала эту семью, и все веселились до глубокой ночи и желали невесте много детей и счастливой жизни. После полудня следующего дня, ближе к вечеру, молодую невесту сопровождали в дом жениха, как положено по обычаю, её подруги и красиво одетые, на лошадях, молодые джигиты. Подруги пели и танцевали, окружив невесту. Вслед за невестой несли её богатое приданое: подушки пуховые, несколько одеял из верблюжьей шерсти, перины, дорогие ковры и дорожки, много разной посуды, тазы всякие, медные пузатые и удлинённые кувшины для воды, маленькие кувшины для омовения, много разной одежды невесты. Впереди всех шла девушка и несла зеркало.

Когда стали подходить к дому Рамбома, музыканты заиграли сильнее. Как этого требует обычай, к открытым воротам навстречу свадебной процессии вышли родственники и гости со стороны жениха. Впереди всех стояла Марал, она первая вышла на порог встречать молодую соперницу. По-

дойдя ближе к невесте, она обеими руками аккуратно приподняла яркий шёлковый платок, закрывавший лицо Рахиль и поцеловала её в лоб.

– Пусть вместе с твоим приходом придёт в наш дом счастье! – промолвила она и прослезилась.

– Омин! Омин! – повторили стоявшие рядом родственники.

Невесту ввели в богато убранную, специально отведённую комнату и оставили с близкими подругами. Праздничные свечи в позолоченных подсвечниках ярко освещали комнату. Две близкие подруги, которые остались с невестой, прислуживали ей, угощали, развлекали весёлыми шутками, старались порадовать ласковым словом, но Рахиль, опустив голову, молчала, была печальна и на глазах её были слёзы.

В комнату стали заходить любопытные женщины. Подошла двоюродная сестра Рамбома, пожилая женщина Мани, она подняла платок с лица невесты, поцеловала в лоб и громко сказала:

– Чтобы ты своим приходом осчастливила дом брата и родила ему десять сыновей!

– Омин! Омин! – загалдели стоявшие рядом женщины.

Высокая просторная комната ярко озарялась большим количеством свечей, на каждой стене висели дорогие большие красивые ковры, по бокам висели медные украшения и оружие. На огромной, широкой тахте, скрестив ноги, расселись степенные, религиозные старики – друзья Рамбома, которых он пригласил на своё торжество, все остальные гости расселись за столами во дворе, здесь играли, пели песни и веселили гостей музыканты. В комнату, где сидел раввин с пожилыми мужчинами и Рамбомом, вошла тихой поступью молодая женщина, почти не дыша, поправляя платок на голове, занесла медный таз, полотенце и маленький кувшин для омовения рук перед едой. После того как раби Язгииль вымыл и вытер руки, он прочёл молитву, благословляющую

еду. И только после этого гости принялись есть и пить. На серебряных подносах подавали жареную баранину, плов с кишмишом, дулму и графины с тёмно-красным кошерным вином. Пожелав счастья и благополучия этому дому и хозяевам, раввин первым опустошил свой бокал с вином. Пожеланий и тостов было много, каждый из сидевших за этим праздничным столом желал Рамбому и его молодой жене радостной и счастливой жизни, много детей. Подняв бокал с вином, слово взял Соломон Разилов, сосед и друг жениха:

— Рамбом, ты мне как брат! Вот уже много лет мы с тобой соседи, живём рядом, и ни разу между нами не было ссоры, всегда всё мы решали мирно и были как близкие родственники. Желаю тебе наследника, который понесёт в века твоё доброе имя и сохранит славу твоему роду! Дай Бог стать тебе отцом десяти сыновей, да разрастётся твоё потомство в большой род! Омин!

— Омин! Омин! — в один голос прокричали гости.

После многих тостов и пожеланий слово взял Рамбом, он поднял бокал с вином и обратился к старейшинам:

— Уважаемый джаамат, не обессудьте за откровенность, вы, почтенные, сами понимаете, что это не семья, это дом без очага, если нет детей и нет продолжения рода. Отец мой умер, два моих брата молодыми, не успев жениться, были убиты и лежат в земле, — говорил он, загибая пальцы на руке, — вот поэтому я и решил привести в дом вторую жену, молодую Рахиль, надеясь на продолжение рода. Но клянусь, что и Марал я не обижу, она будет жить здесь полноправной хозяйкой!

Веселье подходило к завершению, гости стали расходиться. Близкие родственники и подруги Марал расселись на веранде, устланной коврами. Сытно наевшись за богатым свадебным столом, в весёлом настроении произносили они

льстивые речи. Хвалили Марал за умный и благородный поступок, желали ей терпения, счастливой и мирной жизни с молодой соперницей.

– Послушай-ка, сестра Марал, у создателя много радостей, хороших и добрых людей он видит, не пройдёт и года, как молодая Рахиль родит мальчика, а ты будешь баюкать ребёнка, качать его в колыбели и будет в вашем доме мир и благополучие! – радостно произнесла двоюродная сестра Рамбома.

– Омин! Омин! Дай Бог! Дай Бог! – вторили все вокруг.

Выслушав их сладкие речи, Марал ответила:

– Сёстры мои! Я благодарна всем за добрые, тёплые слова, за заботу, за внимание ко мне. И всё-таки вам скажу, что та женщина, у которой есть всё: родные, близкие, богатство, – но нет детей, та женщина одинока и бедна. Лучше бы я умерла в животе мой несчастной матери, чем видеть такое, – она прослезилась.

Женщины понимающе и с сожалением закивали головами и произнесли слова утешения:

– Эх, сестра Марал, не ропщи на судьбу. Всё по воле того, кто создал мир, всё в руках Всевышнего. Грех роптать, грех...

Проводив гостей, Марал зашла в дом, а Рамбом стал посреди своего большого двора и осматривал его, как будто видел его в первый раз. Расчесав свою бороду, поправив папаху, вошёл в дом и направился в сторону комнаты молодой жены. Тихонько открыв дверь, вошёл и закрыл за собой засов в двери. Взглянув на стол, он увидел, что специальный ужин и разные сладости, приготовленные для молодой жены, лежат на столе нетронутыми.

– Глядя на такую соперницу, как Марал, не мудрено потерять аппетит, – зло подумал он, – придётся поругать старую ворону. Так разве угощают молодую? Надо было ласками, насильно заставить покушать, а как же иначе? – подняв

указательный палец, слегка покачиваясь от выпитого вина, сердился он.

В полутёмной комнате стоял одурманивающий восковый запах, догорали праздничные свечи. Посреди комнаты стояла большая кровать, постель была не разобрана. На краю кровати, положив по-детски руку под щёку, свернувшись в комочек, спала одетой Рахиль. На скрип двери и щелчок дверной задвижки она не проснулась. Рамбом на носочках, бесшумно, кошачьими шагами подошёл к ней и остановился у изголовья спящей, уставшей за день, девушки, внимательно разглядывая её. Рахиль ровно и спокойно дышала. Она была очень мила, молода и по-детски нежна. Рамбом, наклонившись к спящей девушке, почувствовал запах её волос, нежное дыхание и остолбенел у кровати. Никогда он не был так внутренне счастлив, как в эту минуту, стоя у изголовья Рахиль. Не стерпев, он обнял её и прижался бородатым, колючим лицом к алой нежной щеке девушки, дыша ей в лицо винным перегаром.

— Ай! Ай! Кто ты? — испуганно вскрикнула Рахиль и, резко оттолкнув Рамбома, быстро вскочила на ноги, поправила платье, платок на голове и забилась в угол.

— Кто же, как не я? Это я, радость моя! — протягивая к ней, как к ребёнку, руки, сказал Рамбом.

Рахиль в ужасе подняла глаза на него, ей казалось, что этот чужой бородатый человек сошел с ума. Она не могла сразу осознать, что он делает в этой комнате. В её глазах застыл ужас, исчезла девичья беззаботность.

— Не подходите ко мне! Уходите! — кричала Рахиль, дрожа от страха. Но Рамбом, ступая сначала на пятку, потом на носок, гарцующей походкой приблизился к ней.

— Не противься моей воле, радость моя! Я не враг тебе, ты меня узнаешь, полюбишь! Всё будет хорошо!

Рахиль, оторопев, стояла в углу. Не имея сил уйти, она не произнесла от страха ни одного слова. Наступило молчание,

оба они как бы застыли, не двигались, каждый переживал эти мгновения по- своему. Рахиль сделала шаг к двери, собираясь выскочить и убежать, но не успела она сделать следующий шаг, как Рамбом схватил её за плечи и сжал в крепких объятиях. Она отворачивалась, пыталась освободиться от него:

– Пусти! Пусти! Ненавижу тебя! Ненавижу твою бороду! Ненавижу! Пусти меня! – истерично кричала Рахиль.

Он продолжал прижимать её к груди, не слыша слов, не помня себя. Ощущая на своей шее его горячее дыхание, она чувствовала, как дрожат его большие руки. Обессилев, Рахиль крикнула слабым голосом:

– Пусти, пусти, злодей! Мне больно, мне плохо..., – еле слышно говорила девушка. Глаза её наполнились слезами, она потеряла сознание и, словно окаменев, чуть не упала на пол. Крепкие руки Рамбома подхватили девушку, он нежно положил её на кровать...

Уже начинало светать, Рамбом лежал на пуховой постели, закинув руки за голову, рядом с его большим телом – молодое, хрупкое тело Рахиль. Две крупные капли слезинок повисли на её длинных чёрных ресницах, но вот росинка стало набегать всё больше и больше. Рахиль беззвучно расплакалась.

– Какая же молодая в первые дни не плачет, а особенно после первой ночи? Свыкнется! – уверенно и радостно ухмыляясь, подумал Рамбом, поглаживая бороду.

Он молодцевато вскочил с постели, широко раскинув руки, потянулся всем телом и сладко зевнул, подошел к окну и распахнул его. Утренняя прохлада освежила комнату. Ночной, горный, свежий ветер стих, и листья на деревьях застыли, словно нарисованные. Аромат свежей листвы пьянил его. Большой двор Рамбома, освещённый восходящим солнцем, был чист и уютен.

– Молодцы работники и родственники, всю ночь приводили двор в порядок, – прошептал он и стал собираться на утреннюю молитву.

* * *

С тех пор как Рамбом Бабижаев ввёл в дом молодую жену, соседки судачили, смакуя известные и неизвестные подробности, происходящие в этой семье, разнося сплетни по слободке. Утром обычно женщины выходили пораньше, чтобы подмести тротуар у своего дома. Две соседки, заглядывая в открытую калитку семьи Бабижаевых, тихо перемывали соседям косточки.

Сначала заговорила одна:

– Посмотрим, как старая Марал будет выживать. Небось, станет искать причины, чтобы с позором выгнать молодую соперницу.

– Тише, тише! – увидев во дворе Рахиль, остановила вторая.

Молодая женщина быстро шла к хлеву подоить корову и навести там порядок, в одной руке держа ведро, в другой – полотенце и веник. Рахиль, привыкшая к скромным условиям жизни, чувствовала себя неловко и стеснённо в этом большом и роскошном доме, в котором было несколько работников по дому. Она многое пыталась сделать сама.

– Совсем юная, а как умело и ловко хозяйствует, не хуже Марал, – сказала одна из соседок.

– Люди говорят, – подала голос вторая, – Марал не выходит из своей комнаты, даже не входит в центральную комнату, где все собираются. Везде полновластно хозяйничает молодая соперница...

Рахиль зашла в дом и, переодевшись, собралась идти к бабушке, а соседки всё стояли и сплетничали. Она оделась в нарядное платье и ярко-красные сафьяновые чуваки. Шла

молодая женщина гордо, бесшумно ступая мелкими шажками по кирпичным дорожкам двора. Из-под красивого персидского платка выглядывали слегка выющиеся волосы, две толстые косы свисали по обе стороны женской груди. Выйдя из калитки, она увидела соседок, ведущих какой-то разговор, глядя в её сторону, строго поприветствовала их и пошла в направлении дома бабушки.

– А молодая всегда такая хмурая, строгая, даже улыбки нет на её лице. И чего ей не хватает? Одевается богато, вся в золоте и дорогих шелках, в доме всё есть. Нашим девочкам такое счастье. Рамбом, говорят, исполняет все её прихоти, а она всегда мрачная. С чего бы ей злиться? – злобно промолвила одна из соседок. Поглядев по сторонам, она моргнула подружкам и таинственно прошептала:

– Слышала, Рамбом ждёт наследника. Только неизвестно, способен он на это или нет? Столько лет прожили с Марал, а детей не было! Кто был виновен? А со сколькими женщинами он, втайне от Марал, гулял?! Тоже не слышала, чтобы кто-то от него того...

– Ой, какая жизнь ждёт Рахиль, если она родит ему сына, – вставила другая собеседница.

– Всеми уважаемая станет, почёт, всё богатство будет в её руках, короче, полноправная хозяйка! На всё надо счастье! – долго ещё стояли всезнающие соседки и говорили о слободских новостях.

Первое время Рахиль с ненавистью и злобой относилась к Марал, но выполняла все её просьбы и поручения. Без дела она никогда не разговаривала с ней и даже не произносила её имени, а Марал пыталась шутками, лаской, добрым словом сблизиться с Рахиль и жить с ней в дружбе, надеясь со временем получить взаимное расположение, но, увы, пока этого не происходило. А однажды Марал, улыбаясь, обняла её за плечи и, погладив руку, сказала:

– Всё будет хорошо! Бог нам в помощь!

Рахиль убрала её руки и с чувством нескрываемой ненависти и злобы спросила:

– Что будет хорошо? Что вы улыбаетесь? На вашем месте другая давно удавилось бы!

– Ох! Ох! Что ты говоришь? Разве так можно? Не гневи Всевышнего, – тяжело вздохнула Марал. – Я имела всё, но всю жизнь была несчастна, мать умерла, когда я была ребёнком, а выросла, вышла замуж, и нет детей, но тебе я желаю большого счастья. Ты молода, хороша собой, вот родишь сына, – задумчиво продолжала она, – и будешь жить, как того захочешь сама. Богатство, молодость, красота и дети принесут тебе в жизни счастье, которого так не хватает многим женщинам.

Рахиль, увидев на лице Марал слёзы, обняла её впервые и извинилась за сказанное.

Когда Марал оставалась одна в комнате и задумывалась о своей приближающейся старости и одиночестве, тогда ей становилось жаль себя. Горько рыдала она навзрыд, проклиная себя, снова и снова вспоминая, как прошла её жизнь.

Прошло десять лет, Рахиль родила трёх сыновей и одну девочку – это было всё, о чём мечтал Рамбом, детский шум заполнил радостью большой дом Бабижаевых. Всё как-то само собой наладилось, и в доме царил взаимопонимание. Марал и Рахиль жили в мире и дружбе, а рождение детей объединило их общими заботами. Дети к Марал относились, как к бабушке, уважительно и ласково называли её келедеде, а она в них души не чаяла и была счастлива. Рамбом был доволен и рад, что когда-то принял правильное решение, и сейчас все довольны, а он стоит во главе всего этого хорошего.

Глава 3

Наступил 1937 год. Рамбом всё время думал, как ему уберечь и сохранить своё хозяйство от разорения. В начале года

арестовали Соломона Разилова – соседа и близкого друга Рамбома. Соломон, поняв, что с новой властью трудно будет бороться, отдал свой кожевенный завод в пользу государства. Его за это назначили директором завода, а сейчас он ждёт суда. Его осудили на пять лет за халатное отношение к работе и якобы крупную недостачу на кожевенном заводе. Ведь как ни старались помочь и уладить дело Соломона, ничего не вышло! Дом и часть имущества конфисковали. Его большой семье выделили в их доме две комнаты, а остальные комнаты перегородили и подселили несколько семей, двор стал общим. При Соломоне его дом и двор был одним из красивых и чистых, а теперь его не узнать, весь двор в грязи, все стены обшарпаны, даже ворота сломали и некому починить – всё общее. После суда и вынесенного приговора Соломона отправили в тюрьму. Жена его Мозолту каждый день приходила к Рамбому, просила помочь через знакомых влиятельных людей договориться, чтобы её мужа не отправляли в далёкие края, в Сибирь, а оставили отбывать срок в Чечне или где-нибудь на Кавказе. С большими трудностями, за большие деньги удалось сделать, чтобы Соломона из Грозненской тюрьмы перевезли в Гудермес, и вот уже несколько месяцев он отбывал срок там, было разрешено даже одно свидание с семьёй.

В конце октября, после осенних праздников, во двор Рамбома зашли пять человек, четверо были в штатском, один в форме офицера НКВД, спросили хозяина, Бабижаева Рамбома, но его не было дома. Они предъявили документы и сообщили, что у них постановление на опись дома, всего имущества, двора и попросили предъявить документы на дом и всё хозяйство. Рахиль принесла всё, что нашла. Осмотрев документы, дом, двор и записав, что им нужно, они ушли. Вечером пришёл Рамбом, домочадцы рассказали о дневном приходе гостей из органов. На следующий день местный участковый милиционер принёс повестку–вызов в НКВД.

Рамбом был в дружеских отношениях с участковым и пригласил его в дом, разговорились, между прочим спросил, зачем его вызывают, но милиционер ничего не знал. Вечером Рамбом пошёл к знакомым друзьям из этой организации узнать, что случилось, с чем связан этот вызов, надеясь услышать и получить какой-либо совет. Никто ничего не знал, а совет давали, соглашайся на всё, что скажут. Рамбом пришёл домой удрученным, даже не стал ужинать. Марал и Рахиль плакали и били себя. Всю ночь он не мог уснуть. Рахиль успокаивала его:

– Всё будет хорошо! Все тебя уважают, кругом в городе у тебя друзья, а скольким людям ты помог и сделал добро?! Ты исправно платил государству все налоги. Всё будет хорошо! Худо кумек¹! Успокойся и поспи, завтра будет сложный день.

– Просто так в НКВД не зовут по повестке, и никто ничего не знает! От этого вызова добра не жди. Вот и до меня добрались, а я всем угождал, всех «кормил», никого не обижал. А может, всё обойдётся, Рахиль? – успокаивал себя Рамбом.

Утром он пошёл, как обычно, в намаз. Помолившись, вернулся домой и стал собираться, Рахиль и Марал со слезами на глазах крутились возле него:

– Эй, женщины, перестаньте рыдать! Не на войну иду! – помолчав немного, тихо добавил, – если вдруг я не вернусь, вы знаете, где что лежит, что и как делать. Рахиль, Марал, я на вас надеюсь. Поцеловав мезузу и прочитав молитву, вышел из дома.

При входе предъявил повестку, дежурный сказал, что нужно пройти на второй этаж, объяснил, как найти нужный кабинет. Поднявшись, он шёл по длинному коридору, со стен

¹ Худо кумек! (*горско-еврейский*) – Бог поможет!

на него смотрели строгие глаза вождей. Навстречу ему шёл офицер, это был капитан Истахаров – единственный горский еврей, работавший в органах. Рамбом показал ему повестку. Капитан довёл его до нужного кабинета, тихо сказал:

– Время сейчас сложное, трудно хорошему человеку чем-то помочь, но я знаю о твоём положении, тебя все уважают и не хотят тебе зла, соглашайся и делай всё, что предложат.

Рамбом поблагодарил капитана, открыл дверь, вошёл в приёмную, отдал повестку сидевшему за столом молодому офицеру и сел на стул в ожидании вызова. Прошло более часа, люди заходили в кабинет и выходили из него. Офицер назвал его фамилию, Рамбом поднялся и зашёл в кабинет. В большом кабинете, обставленном скромной мебелью, за письменным столом сидел худой, голубоглазый, бледнолицый майор лет сорока. На стенах висели портреты Ленина, Сталина, Дзержинского и большая карта мира.

Из всего разговора Рамбом понял только одно, что ему надо добровольно сдать в пользу государства всё своё имущество: лошадей, фаэтоны, коров, птицу. И это было необходимо сделать как можно быстрее, иначе его дело могут передать в суд.

– Как взять и просто так отдать в никуда всё, что я создавал всю свою жизнь?! – улыбаясь, с лёгким возмущением произнёс Рамбом.

Высокий бледнолицый майор встал из-за стола, подошёл к Рамбому и, похлопывая его по плечу, ответил:

– Ничего, ничего! Твоих лошадей передадут в конюшню управления Грознефти, а тебя устроим там же конюхом, и всё будет хорошо. Завтра же приедут к тебе, ты всё подготовь и сдай, а сейчас пиши заявление о добровольной передаче своего хозяйства в пользу государства.

Рамбом шёл по улице и не мог понять, с ним ли всё это происходит?

Прошло три месяца, наступила снежная зима. Всё это время он себя плохо чувствовал, мучили головные боли, появились сердечные приступы, перестала работать левая рука. Здоровый и жизнерадостный Рамбом заболел. Ничего ему не помогало, ни лекарства, ни настои трав, которые готовили знахарки специально для него, ни заботы всевозможных докторов, кого только ни приводила Рахиль, всё было напрасно. Дни шли, а улучшения не было, болезнь быстро прогрессировала, состояние его становилось всё хуже, он «таял» на глазах. Сам Рамбом не терял надежды на выздоровление, хотя чувствовал, что силы покидают его. Через несколько месяцев он уже не мог встать с кровати и, став беспомощным, был прикован к постели. Рахиль и Марал всё время стояли у изголовья больного мужа и со страхом смотрели на его болезненные мучения. Делали всё, чтобы облегчить его страдания, но, в сущности, ничем не могли помочь. Они не могли представить и подумать, что может настать день, когда Рамбома вдруг не станет, что его не будет рядом с ними.

Утром в канун великого праздника Нисону, Рамбом почувствовал себя совсем плохо, силы его стали покидать, всё было, как в тумане. Он несколько дней не кушал, организм не принимал пищу, уже почти не говорил, а только тоскливым взглядом смотрел на своих детей, на Рахиль и старую верную Марал, все дни стоявших рядом. Рамбом понял, что он уже в руках смерти. Вдруг его взгляд посветлел и он, собрав силы, сильным голосом промолвил:

— Я вас всех очень любил и старался делать так, чтобы всем близким и дорогим мне людям было хорошо, но если что не так, простите ме... — его голос стих, на глазах появились слёзы, он захрапел, устало закрыл глаза и умер...

Из дома Бабижаевых раздались крики, полные страданий и муки. Марал и Рахиль, распустив волосы, били себя по лицу и ногам, дети плакали и не знали, как быть и как успокоить мать и бабушку. Близкие родственники открыли

настежь ворота и стали наводить порядок в большом дворе Рамбома, ставили длинные скамейки для мужчин. Сердобольные старушки быстро появились в доме покойника, соболезновали родным, расселись в большой комнате и начали гире¹. Среди женщин сидели Марал и Рахиль, их окровавленные лица, распущенные волосы вызывали у женщин сочувствие. Одна пожилая женщина, распустив свои седые волосы, била себя в грудь и по щекам, надрывно причитая:

– Вой! Вой! Бедный Рамбом, брат наш, что мы будем делать без тебя? Ты не женил своих сыновей, ты не выдал за муж свою дочь, как они будут без тебя? У тебя был всегда порядок, ты любил родных и близких, ты всегда помогал бедным и нуждающимся. Ты ещё многое мог сделать, проклятая болезнь забрала тебя. Это большая потеря для всей общины! Вой, Рамбом! Вой, Рамбом! Вой!

Все женщины поддержали:

– Вой, Рамбом! Вой!

Весть о том, что умер Рамбом Бабижаев, быстро распространилась по городу. Народ стал собираться у распахнутых ворот дома покойника. По окончании утренней молитвы пришли мужчины и джаамат вместе с раввином из нимаза. Войдя во двор, они соболезновали родным и близким и желали, чтобы у них не было больше такого горя, сыновьям – быть достойными и сохранять память о своём отце, а Марал и Рахиль – мира и благополучия. Раби Язгииль дал указания людям, несколько мужчин отправились на кладбище рыть могилу, другие занялись шитьём савана и подготовкой к обмыванию тела покойника. Сразу после полудня, при большом скоплении народа, друзья, близкие родственники внесли носилки с покойником и медленно пошли в сторону кладбища. За носилками шли раби Язгииль, хазан, весь джа-

¹ Гире (горско-еврейский) – оплакивание умершего

амат и читали заупокойную молитву, за ними шли дети, родственники, близкие и все, кто пришёл проводить Рамбома в последний путь. Женщины проводили покойника до угла улицы и вернулись обратно во двор. Люди сожалели и говорили между собой о безвременной кончине Рамбома, но в сознании у каждого был один ответ:

– Всех нас это ждёт, но у каждого своё время. Всё в руках Всевышнего!

После погребения, прочитав молитву и кадиш, мужчины возвратились с кладбища. Омыв руки у ворот дома, стали заходить во двор. Большой двор покойного Рамбома был мрачен, стояли не праздничные столы, мужчины расселись, чтобы почтить память умершего. Раби Язгииль прочитал застольную молитву. Из раскрытых окон доносился плач женщин, скорбящих о безвременной смерти Рамбома.

Постепенно люди стали расходиться, остались друзья и близкие родственники, многие пожилые женщины не покинули этот дом ещё семь дней, а очень близкие – тридцать. Тяжёлый, беспокойный, скорбный день заканчивался. Всю ночь не могла уснуть Рахиль, с ужасом представляя, как они будут жить, какие трудности и испытания впереди. Она уснула под утро. Рахиль вскочила, когда уже рассвело, подошла к умывальнику, стоявшему во дворе, умылась, вытерлась, накинула на голову чёрный платок и быстро пошла поставить на печь большой чайник. По двору ходил кто-то из родственников.

Надо было выполнять свои обычные человеческие обязанности, она – мать и на её попечении ещё старая Марал.

Осенние свадьбы

Осень – благодатная, сытная пора. Урожай собран, в крепких бочках наливается молодое вино. А сколько разнообразных овощей и фруктов?! Даже в самой бедной семье в эту пору полным ходом идёт засолка, закваска – подготовка запаса продуктов к холодной зиме...

Осенью по еврейским традициям отмечают много религиозных праздников, и каждая семья старается встретить и провести их достойно. А между праздниками и до самых проливных дождей проводятся весёлые, радостные свадьбы.

По обычаю, за день до свадьбы на улицах слободки появляются всадники – джигиты верхом на лошадях - чьи сбруи украшены цветными платками. Цоканье копыт гулко разносится по слободе, привлекая всеобщее внимание. Джигиты – стройные красивые молодые парни, уверенно держатся в седле. На них яркие праздничные черкески, опоясанные узкими ремешками с серебряными пряжками и узорчатыми подвесками – галунами. Воинственный вид горца и красоту их молодых фигур подчеркивали затянутые на талии пояса и прицепленные к ним кинжалы в серебряных ножнах, добротные папахи из дорогого каракуля, яловые сапоги. Парни скачут по центральной улице слободки, заворачивают в каждый переулок, останавливаются у каждого двора и, перебрасываясь веселыми шутками, громкими голосами приглашают всех слободчан на предстоящую свадьбу. Окончив свою важную миссию, всадники галопом возвращаются наперегонки, а яркие платки на конских сбруях развеваются на ветру, создавая праздничное настроение.

В большом дворе Ефрома полным ходом идёт подготовка к свадьбе его сына Натана. Местный раввин режет скот: теленка, баранов и множество кур, которых специально нанятые женщины ловко ощипывают, потрошат, чистят и

моют в солёной воде. По двору витает пьянящий запах парного мяса – несколько мужчин уже принялись за разделку туши теленка: тут же на земле ловко они снимают шкуру, вынимают внутренности, разрубая на части. Потом подвешивают за ноги баранов на ветви стоящего рядом дерева, быстро снимают с них шкуры, рубят и режут мясо на шашлык. Уже вырыты ямы для очагов, над ними устанавливают большие котлы для варки, а рядом мангалы для жарки шашлыка и котлет. На большой сковороде одна из женщин жарит внутренности только что разделанных животных, тут же подает их на стол, и все мужчины, находившиеся во дворе, под хорошее вино и весёлые прибаутки мигом «очищают» сковороду.

Все готово для свадебного пира: в центре двора натянута палаточная ткань, под ней расставлены длинные столы и гладкие скамейки, площадка для танцев расчищена и утрамбована, посыпана древесными опилками и тщательно выровнена.

...Раннее осеннее утро. Дождик за ночь прибил дневную пыль, и улица, мощённая булыжником, кажется чисто вымытой. Жители слободки, молодые и старые, готовясь к предстоящей свадьбе, облачаются в свои самые лучшие наряды. Даже вечно грязная и оборванная ребятня умыта и одета в новую одежду. Завсегдатаи всех торжеств, почтенные «стоletние» старики, достают из своих сундуков праздничные черкески, подвешивают на пояс серебряные подвески и обязательно кинжал – напоминание об их бурной и яркой молодости. Дорогие папахи выглядят на их седых и лысых головах такими огромными, что кажется, будто старики сгорбились именно под их тяжестью. Опершись на свои крючковые палки, старцы степенно, не торопясь, о чем-то тихо беседуя, движутся в сторону дома Ефрома, где вот-вот должна начаться свадьба. Ближе к полудню начинает собираться молодежь.

В нарядно убранный двор входят стройные парни, грациозные девушки, молодые женщины со своими мужьями. Многие женщины и девушки в ярких шелковых, парчовых или бархатных национальных платьях и золотисто-серебристых разноцветных платках. На каждой из них много красивых, дорогих украшений, а на тонких талиях женские серебряные пояса. Девушки идут, слегка раскачиваясь, как в танце, едва касаясь земли носочками ног, обутых в разноцветные сафьяновые чуваки на твердой подошве. Слободские ребятишки с шумом носятся по двору, а некоторые, разместившись возле танцевальной площадки, затевают любимую игру в альчики.

Народу собралось столько, что огромный двор Ефрома едва вмещает гостей. В полдень, когда осеннее солнце приближается к зениту, раздаются пронзительные звуки зурны, мелодичный напев гармони и барабанная дробь, оповещающая о начале свадьбы. На танцевальную площадку устремляются молодые пары и, сменяя друг друга, лихо отплясывают зазорную лезгинку.

Вдруг музыка обрывается, и с улицы доносятся радостные крики: «Идут! Идут!» Это жених Натан, и красавица - невеста Ципура в окружении друзей, родственников шествуют по слободке после совершения хупы, которая состоялась по обычаю во дворе у родителей невесты. Завершив обряд бракосочетания, и получив родительское напутствие и благословение, молодые в сопровождении близких и друзей уже приближались к дому жениха. Первыми идут родственники и подруги невесты, несут в руках и на подносах приданое: зеркало в красивой ажурной раме, подушки, одеяла, перины и еще много вещей невесты. Почти все, кто был во дворе, вышли встречать молодых. На жениха с невестой со всех сторон сыпались конфеты, рис, сахар. Впереди всех стояли родители Натана – Ефром и Анай. Отец первым подошёл к молодым и поцеловал их, поднял Ципуру на руки. Следом

подошла Анай с блюдечком мёда. Она взяла руку девушки, обмакнула её пальцы в мёд, провела ими по воротам, и Ефром внёс на руках молодую жену сына во двор.

Ципуру вместе с сопровождавшими ее женщинами и подругами ввели в специально подготовленную для них в доме комнату, где они по обычаю должны были находиться до тех пор, пока за ними не придёт Натан или кто – либо из его старших родственников.

Во дворе снова заиграла музыка, на площадку набежали танцоры, и вот в круг вышел сам хозяин дома. Ефром, представителю уважаемого рода, около пятидесяти лет. Он в белой чесучовой черкеске подпоясанный ремнем, отделанным серебром, и в нарядной светло-серой каракулевой папахе. Танцующие расступились и начали громко хлопать в такт заводной музыки. Ефром важно прошелся по кругу, двигался медленно, будто выжидая чего – то. Тут люди еще больше расступились, чтобы дать дорогу Натану, ведущему к площадке свою молодую жену. Завидев их, музыканты заиграли еще громче. Шавадиё, надув щеки и выпучив глаза, что было мочи дул в свою зурну, Исай, зажав круглый барабан между колен, так бил по нему короткими тонкими палочками, что этот ритмичный перестук было слышно за несколько кварталов. А гармонист Рафой изо всех сил старался, растягивая меха своей гармонии.

Натан провёл Ципуру в круг к отцу и, чуть отойдя, принялся вместе со всеми хлопать в такт музыки – первый танец с молодой невесткой по праву принадлежал его отцу. Ефром лихо заламывает папаху, поправляет на поясе кинжал, приглаживает широкие усы и бороду и, сверкая своими чёрными глазами, вихрем устремляется по кругу. Но Ципура, опустив голову и потупив глаза, никак не может решиться.

– Танцуй! Танцуй! – подбадривают ее гости.

– Сейчас, сейчас, – вместо неё отвечает Ефром и хитро подмигивает. Он запускает руку в карман галифе, достает оттуда две солидные денежные купюры, ловко вкладывает их в руки невесты, целует её и вовлекает в танец. Изящная, гибкая Ципура в парчовом свадебном платье, жутко смущаясь, плавно подалась вперед. Раскинув руки и взмахнув, как лебедиными крыльями, широкими рукавами, она начала танец и своими становящимися всё более уверенными движениями так раззадорила свёкра, что тот снова полез в карман и осыпал невестку кучей денег, а затем схватил сына за руку и вытянул вместо себя в круг.

Натан устремился в танце следом за Ципурой, но она увернулась и оказалась на другой стороне танцевальной площадки. Ее черные брови были горделиво приподняты, в широко открытых глазах играли шаловливые лучики солнца, а губы будто шептали: «Нет, муженёк, в танце тебе меня не победить!» Натан с восторгом смотрел вслед ускользящей невесте, пытался опередить её, но она вновь ускользала, и от этой их игры танец получился невероятно красивым.

– Орс! Орс! – раздавались со всех сторон одобряющие крики. – Ай, молодцы! Ай, молодцы! – дружно хлопали в ладоши гости.

Музыка на площадке не смолкала до поздней ночи. Милостивые девушки, бойкие парни и даже пожилые мужчины без устали отплясывали задорную лезгинку. За своим весельем гости даже и не заметили, как молодых увели в дом, где по обычаю должна была состояться их первая брачная ночь.

Пусть счастлива будет эта семья!

Худо кумек! (Бог в помощь!) Благополучия и везенья им в жизни!

Развод по-кавказски

Глава 1

Отшумела холодная зима, наступила яркая кавказская весна. Как только пригревает солнышко, раньше всех «выползают» из своих домов, чтобы погреть свои старые кости, слободские деды – хранители народных преданий и волнующих остросюжетных легенд.

Главным местом слободки считается синагогальная площадь, на которой возвышается новая, недавно отстроенная двухэтажная синагога с высокими решётчатыми окнами. Её видно со всех уголков грозненской горско-еврейской слободы. У входа в синагогу – палисадник с ровными высокими тополями, покрывающими площадь тенью своих величественных крон в солнечную погоду. На площади, на противоположной стороне, мясные и бакалейные лавки, мастерские мелких кустарей и ремесленников.

В часы досуга, перед молитвой, старики собираются у входа в синагогу, усаживаются возле ограды на длинные гладкие скамейки, опёршись на свои крючковатые палки, дремлют, жмурят глаза или переговариваются друг с другом вполголоса. О чём они только здесь не говорят, о важных и мелких событиях, о городских и слободских новостях. Всё они знают и очень любят не по-мужски посплетничать.

Вот худенький, ветхий старичок Закой. Он утверждает, что молодая женщина Авшаг недавно родила мальчика неизвестно чьей крови. Его перебивает дед Гомуиль, который точно знает, что молодая вдова Зулфо сразу же после годовщины смерти мужа собирается вновь выйти замуж, а детей отдать на попечение родителей покойного. Ну а старик Истохор тут же поведал о том, что вековые кровники из двух слободских родов, не уважив решения совета седых стариков – джаамата, не желают мириться, а наоборот, продолжают вражду...

Что только ни услышишь здесь от стариков, если посидишь с ними и почтительно помолчишь?! Здесь, на площади возле нимаза, в кругу этих стариков часто даже решаются судьбы людей, вне зависимости от их возраста и общественного положения.

Вот идет Зарбоиль – глава общины и религиозного совета и подходит к старикам. Его можно узнать издалека – он всегда очень красиво и даже с шиком одет, сегодня на нем коричневая рубаха, сшитая по покрою бешмета, с воротником-стойкой, двумя накладными карманами, двойными манжетами. Рубаха надета навывпуск и подпоясана гаишьем¹, украшенным серебряными галунами. Темно-синие брюки-галифе заправлены в добротные яловые сапоги, на голове – папаха из коричнево-золотистого каракуля. Его статность и опрятность вызывают уважение слободчан.

– Рузэ хайр бу², – обратился он к сидящим, подал каждому руку. Те, кто помоложе, поднялись навстречу, а «сто-летние» деды, сохраняя спокойствие и достоинство, продолжали сидеть на своих местах.

– Вы слышали, молодая жена Иликая ушла от него и требует, чтобы он дал ей развод «гит»³, как полагается по нашим законам.

Старики зашевелились на своих местах, известие взволновало всех.

– Надо срочно созвать Совет старейшин и обсудить этот вопрос, – раздражённым голосом произнёс кто-то из сидящих.

– Нынче молодёжь слишком распустилась – добавил другой – многие девушки не покрывают голову платком и ходят

¹ Гаишь (*горско-еврейский*) – узкий ремешок.

² Рузэ хайр бу (*горско-еврейский*) – добрый день.

³ Гит (*горско-еврейский*) – свидетельство о разводе.

так перед мужчинами! А платья у некоторых с укороченными рукавами. Куда смотрят их родители?

– А молодые парни! Курят в субботний день, редко ходят в нимаз, не молятся Богу. Скоро и джаамат, и нас, стариков, признавать перестанут! – произнёс Зарбоиль.

– Позор! Позор! – раздались старческие голоса со всех сторон. – Тогда зачем мы здесь нужны, если не наведём порядка?! – возмущались седобородые хозяева слободки, ревниво оберегающие свою честь и достоинство.

– Чьи парни? Какие девушки? Кто их родители? Да кто их разберёт!?

– Сейчас все стали умными, грамотными, а вот Тору правильно читать не могут, – с досадой в один голос сказали собравшиеся.

Солнце клонилось к западу, наступало время предвечерней молитвы. Из-за угла показался раби Давид. Сторож широко распахнул двери нимаза. Старики тяжело поднялись со своих мест и, опираясь на посохи обеими руками, направились вслед за раби. Казалось, они немного утомнились, но это только на время молитвы...

Глава 2

Вечерело, сразу же после положенной вечерней молитвы все проследовали в пристройку к синагоге, где слободчане обычно собирались для решения общинных вопросов. Хотя население слободки состояло из множества фамилий, родов, многие людские судьбы решались именно здесь, на общинном религиозном суде. Всё или почти всё, что скажут здесь, будет беспрекословно принято и безоговорочно выполнено всеми – старыми и малыми.

Сегодня помещение было заполнено до предела. Старики, старухи, мужчины, женщины разного возраста, даже девушки – все пришли сегодня на синагогальную площадь. Каждому хотелось услышать обсуждение развода супругов

Иликая и Истир, принятие по этому делу решения религиозного еврейского суда – такие события в слободке случаются нечасто.

В пристройке царила атмосфера строгости и собранности. За массивным столом, покрытым тёмно-бордовым бархатом, восседали старейшины и уважаемые люди слободки. В центре – раби Давид, справа от него – глава общины Зарбоиль, слева – уважаемый, грамотный Ручиль, а по краям еще четверо. Все они, избранные народом, знающие, опытные, много раз принимавшие правильное и приемлемое для обеих сторон решение, даже в очень сложных вопросах. Безусловно, этим уважаемым, умудрённым жизненным опытом мужчинам трудно понять чувства, любовь и всё прочее, что кружит голову молодым. Главное в их понимании – чтобы в семье были достаток и крыша над головой.

В зале наступила тишина, все замерли в ожидании, а когда со своего места поднялся высокий статный раби Давид, казалось, даже перестали дышать.

– Дочь моя, – подняв белые лохматые брови, обратился он к Истир, – Расскажи, что привело тебя в суд старейшин?

Молодая женщина, не поднимая глаз, судорожно мяла в руках край платка.

– Дочь моя, говори, мы слушаем тебя.

Подняв голову, Истир увидела полный, набитый народом, зал, у неё потемнело в глазах, и мигом забылись все те слова, которые она собиралась сказать. Словно сквозь туман увидела она яркий стол и всех сидящих и строго смотрящих на неё мужчин. Слезы текли по её нежным щекам, она ничего не могла сказать, будто огромный каменный ком застрял в её горле. Ей было страшно, горько и обидно.

– Ну что ты молчишь, Истир, – не выдержал кто-то из толпы, – Расскажи! Расскажи им, как тебя в 15 лет мачеха за большой калым отдала замуж за Иликаю, который был старше твоего покойного отца.

– Да, расскажи, – поддержал женский голос, как ты честно жила в доме Иликая. Расскажи, что значит быть второй женой. Расскажи, ничего не тая, пусть наши старейшины знают, в каком бесправном положении живут многие наши девушки! Да разве ж они этого не знают?

В зале поднялся шум, галдели все: одним хотелось защитить Истир, другие кричали про попираание законов Торы и законов гор. Но поднялся раби Давид, и все мигом замолчали.

– Дочь моя, – ещё раз спокойно обратился он к Истир, – говори. Мы слушаем тебя.

Истир взяла себя в руки, но прямо заговорить с джааматом так и не решилась, а обратилась к суду через пришедшую ей на помощь пожилую женщину Новоит, бывшую когда-то подругой её покойной матери.

– Не губите мою молодость, почтенные люди, – повторила Новоит слова Истир, – больше 10 лет назад меня выдали замуж, и я стала второй женой Иликая. Вы все знаете трагическую судьбу моей семьи. Совсем молодой от тифа умерла мать, отец женился второй раз на Зарлу. У них родились свои дети, а я в отцовском доме жила, как служанка. Спасибо моей бабушке Сэнэм. Пока она была здорова, то оберегала меня, жалела. Но через пять лет после смерти матери погиб мой отец, и бабушка от горя слегла. Она и сейчас лежит, прикованная болезнью к постели. А моя мачеха Зарлу договори-лась с Томор – первой женой Иликая, взяла большой калым и отдала меня второй женой. Вы все знаете, сколько мне пришлось терпеть унижений. А потом Томор заболела. Она болела долго и тяжело, а я ухаживала за ней, как за близким человеком, пока болезнь не свела её в могилу. У Иликая и Томор не было детей, поэтому они и взяли меня, надеясь на то, что будут дети. Вы все знаете, что детей у нас нет. Я не знаю, в чём проблема, но моей вины нет. Не хочу брать грех на душу: муж относится ко мне хорошо, не обижает. Но я не

могу больше оставаться в его доме, тоска и печаль съедают мне сердце! Порою даже не хочется жить! Я ушла от мужа, чтобы спасти свою жизнь! Уважаемый джаамат! Почтенные люди, не отправляйте силой закона меня обратно в дом мужа. Умоляю вас, у меня никого нет, так защитите хоть вы меня, не роняйте вашей чести. Неужели мне не суждено иметь хоть немножко человеческого счастья? Иногда мои мысли так мучительны, что я перестаю себя чувствовать живой, будто я повисла между жизнью и смертью. Каждый день мне приходит в голову мысль: облить себя керосином и поджечь, чем так жить! Вот моя правда! – горячо и страстно за Истир повторила Новоит.

Приложив к глазам концы головного платка, Истир горько плакала, она подняла покрасневшие от слёз и горькой обиды глаза и ждала новых вопросов. В зале плакали все женщины, мужчины, насупившись, молчали. Воцарилась жуткая, полнейшая тишина.

– Скажи, уважаемый Иликай, – нарушил тишину голос раби Давида, – согласен ли ты дать развод своей законной жене?

Иликай встал, кашлянул, провёл рукой по своим длинным усам, поправил гайш на рубахе и твёрдо ответил «Нет!»

– Значит, ты не хочешь разрушать свою семью? – переспросил раби Давид, погладив свою белую бороду, и посмотрел по сторонам на лица религиозных присяжных.

Иликай был человеком состоятельным, в общине обычно держал себя как равный, ко всем относился уважительно, невзирая на материальное положение человека, всем старикам оказывал уважение и почёт. За это его почитали и уважали в общине. Другое дело сейчас: он стоял, склонив голову перед джааматом – блюстителями обычаев дедов и отцов.

– Нет! – неожиданно строго повторил он, обводя взглядом всех собравшихся. – Не дам я ей развод! Пусть возвращается домой, иначе останется брошенной на позор. Никто

не может жениться на ней без развода, и она останется моей законной женой. Вышла она замуж по всем горско-еврейским обычаям, калым мной уплачен большой, один из самых крупных в общине. Все свои супружеские обязательства я выполнял...

Во время речи Иликая его законная жена ни разу не подняла голову. Две крупные слезы, как льдинки, застыли в уголках её больших чёрных глаз. Милое личико её то краснело, то бледнело до синевы. Вдруг она похолодевшими пальцами схватила руку Новоит и, дрожа всем телом, прошептала:

– Неужели моим позором он надеется отомстить судьбе за свою неудавшуюся жизнь?

Зал молчал. Даже раби Давид, многое повидавший на своем веку и решивший в своей общине немало подобных дел, восседал в задумчивости. Слово попросил Шебетей, один из участников суда. Он встал, покрутил толстой шеей, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи, поправил ремень и, как можно спокойнее, произнёс:

– Мы все знаем Иликая, как порядочного человека, хорошего семьянина и законопослушного мужчину нашей общины. Иликай – уважаемый человек в нашем городе, в достатке содержит свою семью, помогает близким и бедным, не обижает свою жену. У него есть хороший дом, и в доме есть всё. Скажите, люди, что ещё нужно женщине для хорошей и счастливой жизни? Иликай не хочет давать развод своей жене. Истир без серьёзной причины ушла из семьи. Она оскорбила наши законы и обычаи, оскорбила достоинство своего мужа! Доброта и порядочность Иликая нам всем известны, и я думаю, что Истир должна вернуться домой, к мужу, не позорить его и не прекословить ему, как подобает порядочной жене!

– Нет! Нет! Нет! – вдруг закричала рыдающая Истир и задышала так, будто ей не хватало воздуха.

В зале снова все зашумели и заспорили, а за столом тихо переговаривались члены джаамата. Встал раби Давид, и на этот раз сразу все замолчали и в воцарившейся тишине басовитым голосом произнёс:

– Дочь моя! Твой муж не согласен дать тебе развод, он хочет сохранить свою семью, свой дом. А поскольку мы не можем его обвинить в недостойных поступках и действиях против тебя, мы не можем расторгнуть данное вам кетибо¹ и дать тебе гит. Вернись к мужу, и живите в мире и согласии. Ты молодая, умная, порядочная женщина, вернись домой, и пусть все ваши разногласия уйдут с появлением наследника. Аминь!

В зале снова наступила тишина. Из глаз Истир текли слёзы, глядя на неё, плакали все женщины и девушки. Они сочувствовали ей, но открыто возразить никто не посмел. Закон есть закон!

Медленно помещение опустело, люди расходились по домам, Новоит вывела, поддерживая под руку, рыдающую Истир. Последними покинули помещение Иликай, старейшины и джаамат во главе с раби Давидом. Судьба семьи Иликай была решена. Согласившись с уговорами бабушки, Истир вернулась в дом мужа. Через полгода умерла бабушка Сэнэм. Похоронив бабушку, единственного близкого и родного ей человека, Истир сильно изменилась, а потом вдруг исчезла. Через несколько дней в низовьях реки Сунжи чеченские ребята нашли труп утонувшей женщины, по амулетам и одежде догадались, что она из горско-еврейской общины, сообщили в город. Иликай и несколько его друзей поехали и привезли бедную Истир, похоронили её по всем законам на еврейском кладбище. Так и осталось неизвестно, утопилась ли Истир или утонула в разлившейся от осенних дождей Сунже.

¹ Кетибо (*горско-еврейский*) – свидетельство о браке.

Первенец

Глава 1

Рождение ребенка – большая радость для семьи. И неважно, какому народу семья принадлежит. Но когда у горского еврея появляется первенец – мальчик – это праздник, большое торжество...

Далеко за полночь. Светлая весенняя ночь, на небе сверкают крупные звёзды, полная луна ярко освещает горско - еврейскую слободку.

Высокая просторная комната, украшенная дорогими коврами и портретами предков, освещена висячей лампой под модным красным абажуром. На кровати лежит молодая беременная женщина и тихо стонет: «Ой, Худо¹, помоги мне». Это красавица Молко – жена Соломона, сноха Азариё, но сейчас лицо ее осунулось и посерело, она беспомощно оглядывается по сторонам, ища помощи.

– Эй, – зовет она мужа (обычай горцев не велит называть мужа по имени), – эй, слышишь? Мне очень плохо, может быть, это уже роды?!

Соломон мечется по комнате с удивлённым, испуганным лицом, прислушиваясь к стонам жены. Он очень любит свою Молко, всегда с ней нежен и ласков. Сейчас, видя её большой круглый живот, лицо с тёмными пятнами, появившимися во время беременности, слёзы, которые текут из её красивых глаз, странные гримасы от боли, безумно жалеет её. Вдруг, как бы приняв решение, он выскакивает из спальни и с возмущённым криком поднимает на ноги всех обитателей дома.

Свекровь Руты выбежала из своей комнаты, кинулась к молодой снохе, наклонилась и едва слышно проговорила:

¹ Ой, Худо (*горско-еврейский*) – О, Боже!

– Не бойся, это первые роды, они всегда трудные. В добрый час, доченька! Худо кумек эр туь¹, – она растерянно засутилась вокруг невестки, приговаривая, – кук гордо, Худо хилес сохо², – и, подняв руки к небу, взмолилась, – о, Худо! Неве гордо, ёх Худо³! Подари мне внука. Да будет мальчик!

Молко продолжала стонать, боли становились всё сильнее.

– Эй, Соломон, иди за момой⁴ Рахиль, – заторопилась Руты, – у неё лёгкая рука, она много детей приняла, и тебя самого Рахиль принимала. Иди, сынок, скорее.

В общине горских евреев города уважали старуху Рахиль, обращались к ней по разным поводам: заболел ли человек, рождает ли женщина. Вообще, когда что-то плохо, бегут за Рахиль, а она всегда кругом поспевает, всем помогает, лечит больных и травами, и советом. Никто не подсчитывал, сколько за свою долгую жизнь вылечила людей, скольких новорождённых приняла. Даже сколько ей лет, никто точно не знал. Одни уверяли, будто ей около ста лет, другие говорили, что меньше. Как бы то ни было, а уважаемая Рахиль относилась к числу тех долгожителей, тех выносливых горских женщин, которые без жалоб и стонов переносят любые невзгоды, мужественно проходят свой жизненный путь, да ещё и другим помогают...

Соломон быстрым шагом направился к дому бабки-повитухи. На дворе стояла ночь, до рассвета было ещё часа два. Он прошёл по главной улице слободы, потом свернул в узкую улочку, где жила момой Рахиль, остановился у калитки её дома и стал звать:

¹ Худо кумек эр туь (*горско-еврейский*) – Бог тебе в помощь.

² Кук гордо, Худо хилес сохо (*горско-еврейский*) – Что бы у тебя был сын, Бог в помощь

³ Неве гордо, ёх Худо (*горско-еврейский*) – Дай Бог, что бы у тебя родился сын!

⁴ Момой (*горско-еврейский*) – акушерка.

– Эй, келедеде¹ Рахиль!

– Кто там, кто такой? – отозвался кто-то из домочадцев.

– Это я, Соломон, сын Азариё. Мне нужна срочно келедеде Рахиль.

– Это ты, сынок? Сейчас, сейчас! – послышался сонный голос старухи.

Бабка-повитуха накинула на плечи старую стёганую ватную телогрейку, обвязалась пуховым платком, всунула свои худые ноги в калоши, зевнула и, постукивая палкой по полу, перешагнула через порог. Выходя, она произнесла какие-то заклинания от дурного глаза, трижды поплевала под ноги и только после этого вышла и закрыла за собой калитку.

– Давно начались роды? – облизнув сухие губы, спросила Рахиль, и, не дождавшись ответа, решительно добавила, – идём скорее.

Бормоча что-то себе под нос, она шла проворно, и они быстро добрались до дома роженицы. Руты встретила ее с распростёртыми объятиями:

– Твой приход всегда к счастью, у тебя рука лёгкая, а сердце чистое и доброе.

– Ёх Худо, келе Худо, до туьре невере². Пусть никто не заходит в комнату роженицы, – строго предупредила повитуха и скрылась за дверью.

Молко продолжала стонать, глухой звук иногда переходил в еле сдерживаемый крик, но мамой Рахиль, не обращая внимания на стоны, приступила к своим обязанностям. Она осмотрела роженицу, надавила ей на спину и живот, покачала головой, подошла к двери и потребовала, чтобы срочно принесли таз с тёплой водой, полотенца и чистые тряпки...

Только к утру наконец появился ребёнок, сильным, здоровым криком возвестивший миру о своём праве на жизнь.

¹ Келедеде (*горско-еврейский*) – бабушка.

² До туьре невере (*горско-еврейский*) – Великий Бог, дал тебе внука.

Момой перерезала ножницами пуповину, сполоснула малыша в тёплой воде, завернула в одеяльце и положила рядом с матерью.

– Доченька, дай ему грудь, я посмотрю, как он сосёт, – а потом позвала:

– Руты, Руты, иди, принимай внука. Посмотри! Какой мальчик – здоровый, красивый, весь в вашу породу! И арус¹ чувствует себя нормально.

– С меня хубе бахш² тебе. Ничего не пожалую: отрез на платье, пуд муки, головку сахара, пачку душистого чая, пять рублей и большой турецкий платок, – радостно бормотала Руты, вытирая концом головного платка текущие по щекам слёзы радости. И, прижав ребенка к груди, зашептала:

– Ой ты, мой дорогой внучок, наконец-то я тебя дождалась. И с этого момента не было для неё ничего дороже и желаннее на свете, чем этот маленький комочек.

На следующий день к невестке в комнату зашёл свёкор Азариё. Находившиеся в комнате женщины тотчас поднялись со своих мест, поправили платья и головные платки. Они поздравили хозяина дома с рождением внука, пожелали ему дожить до свадьбы малыша и продолжали почтительно стоять.

– Садитесь, садитесь, – ласково улыбаясь, сказал Азариё, а затем, повернувшись к Рахили, спросил, – как себя чувствует ребёнок?

– Да продлит Худо твою жизнь до ста лет. Хуби невейту, хуби!³ Думоришь гордо⁴, – ответила она и принесла укутанного ребенка.

Азариё приподнял край одеяльца, взглянул в красноватое

¹ Арус (*горско-еврейский*) – сноха.

² Хубе бахш (*горско-еврейский*) – хороший подарок.

³ Хуби невейту, хуби (*горско-еврейский*) – хороший мальчик, хороший.

⁴ Думоришь гордо (*горско-еврейский*) – чтоб он стал женихом.

личико младенца и тихо зашептал:

– Глазёнки-то чёрные, живые, нос – в нашу породу.

Вдруг ребёнок заплакал.

– Не плачь, будь мужчиной, не позорь наш род! Скоро раби совершит тебе миле¹! Не плачь.

– Слава Богу, мальчик здоровый, крепкий, можно делать миле. Дай Худо всем таких малышей, – почтительно сказала старуха.

– Спасибо тебе, Рахиль, за такого внука и за твои золотые руки. Лично от меня будет тебе келе бахш². А внука назовём именем нашего покойного старшего сына – Бухур. Пусть живёт его имя в веках.

– Омин! – воскликнули все сидящие в комнате. Азариё расстегнул верхние пуговицы на шёлковом бешмете, снял с головы каракулевую шапку и вытер батистовым платком лысеющую голову. Затем, поглаживая седеющую пышную бороду, сказал: «Устроим на миле пир на славу!»

Молко, поймав на себе взгляд свёкра, смутилась. Она стояла возле кровати, опустил глаза, поправляя на голове козынку. Обычай не велит в присутствии свёкра быть с непокрытой головой или кормить ребёнка грудью. Свёкра, как и мужа, не принято называть по имени, поэтому Молко называла Азариё почтительно «Тирохун»³. Азариё был в хорошем расположении духа: он гордился снохой, уважал её, а главное – она подарила ему внука, который станет продолжателем их рода.

– Арус, напои меня свежей водой, – обратился он к невестке.

Она тотчас налила из кувшина полный стакан и, низко опустив голову, подала свёкру.

¹ Миле (*горско-еврейский*) – обрезание.

² Келе бахш (*горско-еврейский*) – большой подарок.

³ Тирохун (*горско-еврейский*) – читающий Тору.

– Арус, до каких пор ты будешь молчать в моем присутствии? Поговори со мной.

– Молко, дочь моя, женщина, которая уже имеет ребёнка, может разговаривать со свёкром, – вмешалась мамой Рахиль.

– А я обещаю, как положено по нашему адату¹, любой бахш по её желанию: и за внука, и за её первый разговор, – сказал Азариё, улыбаясь. Руты тут же предложила мужу купить невестке золотые серьги с бриллиантами, а к ним – хорошее ожерелье. Он благодушно согласился, а Молко подняла голову и благодарно посмотрела на свёкра:

– Все желания твоего сердца чтобы исполнились. Жить тебе сто лет, отец.

– Омин, омин, – закивали женщины.

– Спасибо, дочь моя, – сказал Азариё и поцеловал невестку в лоб.

Глава 2

Прошла неделя, и мамой Рахиль, приходившая каждый день, дала добро на миле. Для торжественного дня купили годовалого бычка, четырёх баранов, бочку вина и всё остальное, что требовалось для празднования торжества – рождения мальчика. Вечером накануне миле пришёл резник с острыми сверкающими ножами. Бычку туго связали ноги и повалили на землю в конце двора возле сарая. Резник вынул нож из кожаного чехла и стал точить его на зеркально гладком бруске, затем произнёс молитву над бычком, взмахнул ножом, и из горла животного хлынула густая кровь. Подрыгав связанными ногами, бычок затих. То же самое было сделано и с баранами. Вознаграждение резнику дали деньгами и мясом.

¹ Адат (горско-еврейский) – обычай.

В доме Азариё поднялись до рассвета, готовились к торжеству, к встрече гостей. Почему-то всю ночь плакал малыш, видно, предчувствовал, что ему предстоит сложный день. Невестка Молко не сомкнула глаз, успокаивая ребёнка. Руты вместе с другими женщинами суежилась около курука¹, подготавливая её для выпечки домашнего хлеба из сдобного теста. Стали подходить родственники и друзья Соломона, которые хотели присутствовать на самом обряде в нимазе. На восьмые сутки, как и положено по еврейскому закону, в синагоге, после утренней молитвы «Шахарит», в присутствии родственников, друзей и близких, ребёнку совершили обряд миле и дали имя Бухур. Миле делал раби Давид, сандаком² был сам Азариё. Он сел в кресло пророка Элиягу, гордо держа на подушке своего внука. А когда обряд был совершён, и ребенок сильно заплакал, на глазах Азариё тоже появились слёзы – слёзы счастья. По окончании всех благословений и молитв ребёнка унесли домой. Когда люди начали расходиться, старики тоже стали собираться. Аккуратно сложив в шелковые мешочки свои сидуры³, талиты⁴ и тфилины⁵, они пошли к дому Азариё, где их ждали как почётных гостей.

Азариё в новом шёлковом бешмете, подпоясанном узким серебряным ремешком, в дорогой каракулевой шапке стоял у распахнутых ворот и встречал гостей:

¹ Курук (*горско-еврейский*) – печь для выпекания хлеба.

² Сандак (*горско-еврейский*) – человек, держащий на руках ребёнка во время обрезания.

³ Сидур – молитвенник в иудаизме.

⁴ Талит – еврейское молитвенное облачение.

⁵ Тфилин – символ неразрывной связи между народом Израиля и Богом. Представляет собой две коробочки, в которые положены отрывки из Торы. К коробочкам прикреплены чёрные кожаные ремешки. Одну из коробочек повязывают на левую руку, а другую прикрепляют ко лбу.

– Хош оморит! Диройт э хуне¹.

– Жить твоему внуку сто лет с именем своим! Чтоб дожидил ты до его свадьбы и также встречал людей, – отвечали на приветствие гости. Пришли уже почти все приглашённые. Приехали друзья семьи братья-чеченцы из рода Амирхановых – Умар и Беслан. Они ловко соскочили со своих лошадей, к седлу одной был привязан баран, быстро отвязали его от седла и сбросили барана к ногам шедших к ним навстречу Азариё и Соломона. Тепло обнявшись, как это подобает по кавказским обычаям, поздравили с новорождённым. Один из братьев сказал:

– Это подарок от нашей семьи! – указав на барана, он тут же достал кинжал и мгновенно воткнул в горло животного, хлынула кровь. А джигит добавил:

– Так будет с любым врагом вашей семьи, это говорим мы, дети из рода Амирхановых, а мы – одна семья!

Подскочили молодые ребята, быстро и ловко освежили и разделали только что зарезанного барана.

В просторной передней комнате расселись старики – джаамат, друзья Азариё. Посередине, на самом почётном месте, рядом с хозяином дома, сидел главный раввин – раби Давид. На голове у него была белая ермолка, одет он был в чесучовый праздничный бешмет с кожаным ремнем, украшенным серебряными галунами и пряжкой. Рядом с ним уважаемые, степенные и всё знающие старики.

Во дворе установили столы, за которыми расселись гости среднего возраста и молодёжь. На белых скатертях в больших тарелках поставили плов, окутанный облаками пара, жирный мясной соус с картофелем, много разной зелени, овощи, варёные куры и индюки. В пузатых графинах закле-

¹ Хош оморит! Диройт э хуне (*горско-еврейский*) – Добро пожаловать! Входите!

стело ярко-красное вино, которое стали разливать по стаканам. Все с нетерпением ждали, когда раби Давид прочтёт молитву, благословляющую пищу. До этого никто не имеет права прикоснуться к еде. И вот раввин начинает:

— Благословен господь наш, который дал нам хлеб насущный! Омин!

Отломив от целого свежеиспеченного домашнего хлеба кусочек, он окунает его в соль, отправляет в рот, отламывает много кусков, читает благословение и раздаёт сидящим рядом, а затем завершает молитву, давая тем самым понять всем гостям, что можно начинать трапезу. Налили первый стакан вина, все замерли в ожидании мудрой речи раби Давида. Подняв стакан, наполненный вином, он обратился к хозяину дома:

— Азариё, мы все уважаем тебя, твоего сына, всю твою семью. Желаем, чтобы Господь никогда не обходил изобилием твой дом и одарил его мужским потомством. У праотца Яакова было двенадцать сыновей. Желаем тебе двенадцать внуков, и чтобы дожил ты до их свадеб! Омин!

— Омин, Омин,— вторили за раввином гости.

С конца двора доносился ароматный запах жареного мяса. Шашлыки на дубовых углях всего вкуснее, и дымом не пахнут. Шашлычник Ефром, большой специалист по шашлыкам, нанизывал на длинные шампура наперченные куски баранины и жарил их на огне, а молодые женщины разносили на подносах и ставили перед гостями готовые шашлыки, дулму, плов с кишмишом. Старики жевали беззубыми ртами жирную баранину и, переговариваясь вполголоса, восхищались мастерством шашлычника. А во дворе молодые мужчины, друзья Соломона, пившие вино стакан за стаканом, всё больше хмелели и говорили громко, без умолку, перебивая друг друга, произнося громкие речи, желая долгой и

счастливой жизни новорождённому, его родителям и благополучия этому дому. Вот встал один из гостей и обратился к раби Давиду:

– Раби, пусть живут в веках законы и обычаи наших праотцов Авраама, Исаака, Яакова. Омин! Говорят, Авраам на девяносто девятом году жизни совершил себе миле. Честь и хвала ему! Миле – это знак союза человека с Всевышним. Сегодня в этом доме появился ещё один еврей, и мы все присутствуем на этом радостном событии в доме моего друга – брата Соломона. Уважаемый раби Давид, прочитай молитву благословения в честь новорождённого Бухура, чтобы малыш жил сто лет с близкими своими. С этими словами он вытащил из кармана своего галифе деньги и дал раввину четвертную:

– Я жертвую в казну нимаза десять рублей, раввинам – пять рублей, бедным – десять.

Поднялся с места хозяин дома, обвёл взглядом гостей:

– О, Худо! Ниспошли свою благодать на наш народ! Не оставь в беде на чужбине, – подняв руки кверху, взмолился Азариё.

– Омин! Омин! Омин! – дружно поддержали его многочисленные гости.

– Раби Давид, жить тебе и всем нашим уважаемым старейшинам сто лет. Благослови внука моего Бухура, отца и мать его и всех присутствующих моих гостей. Вношу в казну общины пятьдесят, раввинам – двадцать, нищим и бедным – тридцать рублей, – и он положил на стол большую сторублёвую купюру.

Раби Давид встал со своего места, задрал свою голову вверх, поднял руки, как бы прося и обращаясь к Всевышнему. Он стоял уверенно и с достоинством, будто стоит за кафедрой в нимазе. Звонкий голос раввина заставил всех прекратить разговоры и прислушаться к молитве.

– Да благословит вас всех Худо! И простит ваши грехи Всемогущий! И не станут ваши жёны вдовами, а дети сиротами. Да умножатся ваши дни! О, велик и славен Господь наш! И славен наш великий пророк Моше, спасший наш народ от рабства фараона и приведший его на обетованную землю! Омин! – долго и громко он ещё читал все заказанные благословения и молитвы. Все тихо слушали молитвы, а в нужном месте вторили вслед за раввином «Омин!»

Раби Давид, закончив чтение благословений, вытянулся во весь свой богатырский рост, глубоко вздохнул широкой грудью, погладил седую бороду, протёр губы и сел. Все желали раби Давиду долгих лет жизни. Вокруг стоял гул, каждый старался сказать что-то умное и перекричать собеседника, но всё это больше походило на птичий базар. После небольшого перерыва раби Давид сдвинул свои лохматые белые брови, погладил бороду и грозным голосом прикрикнул:

– Помолчите! Закройте свои рты! – и начал рассказывать, точно читая молитву.

– В Святом Писании ясно сказано, что придёт день возрождения, и все евреи последуют на землю предков – в Ерушалаим, там и только там должны жить евреи. Придёт наш избавитель Мошиах и спасёт свой народ, как спас он когда-то от рабства фараонов. Еврейский народ обязательно должен вернуться на свою священную землю, дарованную Всевышним. Как же иначе! Ведь мы ежедневно в молитвах проносим: «В этом году мы здесь, в следующем – быть нам в Ерушалаиме!» Мы все сыны Израиля, дети единого Бога, но у каждого предопределена своя судьба, когда он ещё в утробе матери. Вот сегодня мы празднуем рождение и миле маленького Бухура, все пришедшие гости желали ему много, много хорошего, но его жизненный путь знает только Всевышний. Мы все живём, радуемся, печалимся – всё по воле нашего создателя. Омин!

Все изрядно выпили, шутили, веселились. Весь день продолжалось гулянье с музыкой и танцами, а когда пришло время вечерней молитвы, первым поднялся раби Давид:

– Азариё, мы все сегодня присутствовали на миле твоего внука, дай Бог нам всем также присутствовать и на его свадьбе!

– Омин! Омин! Омин! – разнеслось со всех сторон. Выслушав пожелания и добрые речи гостей, Азариё поблагодарил:

– Спасибо вам, мои дорогие гости! Благодарю всех, принявших участие и разделивших нашу радость, желаю, чтобы и в ваших домах были такие радостные дни.

Старики поднялись с мест и, опираясь на свои палки, направились в синагогу на вечернюю молитву.

Солнце клонилось к закату, надвигались сумерки. Гости расходились, остались только близкие родственники и друзья Соломона, которые ещё долго праздновали рождение первенца.

Первый урок

Вторая половина сентября, а солнце своими горячими лучами так и жжёт голову и спину. До полудня ещё далеко, а печёт уже невыносимо. Внезапно налетевший ветер поднял над разгорячённой землёй пыль столбом. Заскрипели деревья, шатаясь из стороны в сторону. Черные тучи, выплывающие из-за гор, быстро закрыли небо над горско-еврейской слободкой. Где-то вдалеке, но довольно громко прогрохотал гром – предвестник надвигающегося дождя.

– Ой, ужас! Где же мой мальчик?! – воскликнула Айбат и выбежала во двор, на ходу поправляя платок.

Её ослепила яркая серебристая молния, прорезавшая небо. И через несколько секунд пошёл не просто дождь, начался ливень – разразилась гроза, крупные прозрачные капли падали на землю, но нисколько не пугали слободских мальчишек. Они не прятались, а наоборот, бурно радовались, бегали по улице, кричали и прыгали по мгновенно появившимся лужам. Босоногий мальчуган Дониль мчался верхом на длинной хворостине, подгоняя своего «коня» прутиком, громкими криками и заливистым смехом.

– Ой, ой! Материнское сердце, жизнь моя! – увидев сына, воскликнула Айбат, поймала его, подняла и сжала в объятиях. – Ты же весь мокрый, дрожишь. Идём скорее домой, так и простудиться недолго.

Малыш и не думал сопротивляться. Он прижался к матери, согреваясь её теплом, поднял свои чёрные, крупные, как у отца, глаза, улыбнулся и нежно поцеловал в щёку.

В семье Захара и Айбат всё было хорошо и ладно, только вот с детьми проблема – через некоторое время после рождения заболевали, долго болели и умирали. Помочь не мог никто, и из шести родившихся выжили только двое – красавица

дочь Мерто и дорогой сыночек Дониль. Поэтому-то Айбат так тряслась над детьми, особенно над младшим сыном.

Как только вошли в дом, Дониль спрыгнул с материнских рук, тут же спросил:

– Дэдэ¹, есть что-то покушать?

– Мальчик мой родной проголодался! Сейчас, сейчас! Вскипачу чай, дам тебе что-то вкусненькое, а пока ты согреешься, уже и обед будет готов.

В комнате было уютно и тепло. Айбат зажгла лампу и осветила свежепобеленные к праздникам стены, недавно покрытый глинистым раствором пол и новую тюлевую занавеску на окне. Накормив сына, мать уложила его тут же на тахте, а сама начала готовить обед. Закончив домашние дела, села на край тахты, где уснул драгоценный сыночек, и продолжила прерванную работу – шитьё школьной сумки из бязи. Дело в том, что мальчику уже сравнялось восемь, и родители решили отправить его учиться в начальную еврейскую школу Талмудтора. На следующее утро Дониля разбудили рано. Вокруг него суетилась не только мама, но и келедэдэ Мозол. Они помогали ему одеть новую сатиновую рубашку, новые брюки, сандалии и светлую тюбетейку. А бабушка потихоньку наполнила его карманы орехами и конфетами, чтобы внуку было чем похвастать перед товарищами. Отец Дониля давно ушёл на работу, а бабушка с мамой всё суетились и суетились вокруг него. Айбат уже переделалась в нарядную одежду, чтобы проводить сына, а бабушка Мозол крепко обняла внука и, поглаживая его старческими, костлявыми пальцами по волосам, произнесла:

– Учись хорошо, не ленись, внимательно слушай раби, и, может, станешь доеном², а потом и учёным талмудистом. Твой покойный дед, быть ему в раю, был богобоязненным и

¹ Дэдэ (горско-еврейский) – мама.

² Доен (горско-еврейский) – помощник раввина.

религиозным, ни одну молитву не пропускал. Смотри, не опозорь его имени, которым наградили тебя при рождении!

– Келедэдэ, бэбэй мо муно¹, я буду учиться хорошо, лучше всех! – уверенно сказал Дониль и, чмокнув старушку, выскочил из дома. Выйдя из дома, дал руку матери, и они степенно и гордо вышли за ворота.

Занятия в Талмудтора начинались после осенних еврейских праздников. В первый день занятий со всех концов слободки шли нарядные родители с аккуратно одетыми, чистыми и причесанными детьми, на спинах которых висели самодельные сумки с учебником «Алефби», но некоторые дети были и без сумки.

Дониль крепко держался за мамину руку. Малыш не шёл, а летел, за спиной болталась сумка, в карманах гремели орехи, а в глазах горело желание первым войти в школу. Ему казалось, что у него выросли крылья, и после занятий он сможет полететь домой, как птица, было весело и радостно. Айбат радовалась вместе с сыном. Доведя его до ворот школы, она поцеловала мальчика и пожелала удачи, ещё раз напомнила, как себя вести, и пошла по своим делам. Талмудтора находилась в отдельной пристройке во дворе синагоги. Мальчики и девочки учились отдельно, но мальчиков было в несколько раз больше. В большой комнате с низким потолком стояло несколько столов, за которыми сидели ребята постарше; те, кто пришёл первый раз, жались друг к другу, сидя на длинных скамейках, расположенных вдоль стен. Так было в первые дни занятий, а потом уже у каждого было свое место. По понедельникам и четвергам занятия всей школы проводились в синагоге. В такие дни выносили Сифиртору, и это было очень торжественно, особенно для начинающих...

Урок начался. Старшие ученики, раскачиваясь и кивая головами, то вставая, то садясь, читали утреннюю молитву

¹ Бэбэй мо муно (*горско-еврейский*) – клянусь моим отцом.

«Шахарит», а младшие листали страницы учебника «Алефби»¹. Дома Донилю казалось, что он знает эту книгу наизусть и будет первым учеником. Но сейчас он чувствовал себя подавленным: каждый мальчик старался перекричать сидящего рядом, вокруг стоял шумный гул голосов, и его голоса совсем не было слышно. А учитель, раби Шолум, сидел за своим столом, на котором лежали «Сидур», «Мишне»², псалмы Соломона и пророка Моисея. Раби был одет празднично, в светлый чесучовый бешмет и в штаны из такой же ткани, на голове – светлая ермолка из бархата, на ногах – мягкие чуваки. Казалось, что он отрешённо что-то бормочет, почёсывая свою белую бороду, а на самом деле он внимательно наблюдал за детьми, приглядывался к каждому, чтобы определить, кто на что способен и кого куда определить.

– Странный человек наш раби, – тихо прошептал Дониль мальчику, сидевшему рядом, – похоже, что он нас вообще не видит. Он даже не глядит в нашу сторону.

– Прикуси свой язык, – толкнул его в бок сосед, – раби всё и всех видит. Лучше читай и не отвлекай меня, – мальчик нагнулся над своей книгой и громко, стараясь перекричать всех, продолжил чтение. – Алеф, би, гумел...

– Эй, сорванец, поди-ка сюда! – Дониль вздрогнул от неожиданно громкого приказа, посмотрел на раби и поёжился от строгого взгляда под насупленными седыми бровями.

– Вы меня зовете, раби? – спросил он робко.

– Тебя, тебя, кого же ещё? Первый день в Талмудтора, а уже ведёшь себя плохо, разговариваешь, отвлекаешь других. Посмотрим, что ты можешь, открывай книгу и читай! Дониль стоял перед раби и весь дрожал. Трясущимися руками он раскрыл книгу и тихо по слогам начал читать: «Э-ле-леф, би-и-и...».

¹ Алефби (*горско-еврейский*) – букварь.

² Сидур и Мишне – названия религиозных книг.

– Произноси громче! Читай быстрее и не дрожи, жара на улице! Кук сэг!¹ – разгорячившись, раби взял его за руку и стал тыкать пальцем в книгу. В классе повисло напряжённое молчание. Все напряжённо замерли в ожидании.

Глаза Дониля, не привыкшего к такому обращению, заволокло слезами. Губы ещё больше задрожали, знакомые буквы начали прыгать и стали неузнаваемы. Он уже вообще ничего не мог прочитать, стал запинаться и замолчал. Ученики, затаив дыхание, смотрели на Дониля, из глаз которого текли слёзы.

– Из чьих ты будешь? – вдруг спросил раби, видимо, решив разрядить обстановку, но мальчик только всхлипывал и ничего не мог ответить – его душила горечь обиды.

– Он из Дадашевых, покойного дедушки Дониля внук, – крикнул с места кто-то из мальчиков.

– О, твой покойный дед хорошо знал Тору, и в общине его уважали. Надеюсь, ты, сорванец, будешь на него похож. Иди на свое место, учи буквы наизусть и больше не разговаривай во время чтения Божьих книг!

Когда Дониль шёл через весь класс, у него продолжало бешено колотиться сердце, он тихонько сел на свое место и надвинул тюбетейку на глаза.

– А теперь выходи ты, – указал раби на Рувина, черноглазого тоненького мальчика. Тот встал и медленно пошел к столу. Рувин тоже пришёл в первый раз, ему хотелось понравиться учителю, но перед грозным видом раввина он затрепетал, попытался читать и вдруг заплакал.

– У-у -у! Да что это с вами? Садись на место. Плохо, очень плохо!

Следующим к столу был вызван бойкий и смышлённый Шимке. Он в школе уже второй год, учится лучше других

¹ Кук сэг (*горско-еврейский*) – собачий сын.

мальчиков, поэтому спокойно смотрит на раби и ждет указаний. «Алеф, би, гумел, дол...» – четко пересказывает он алфавит, потом читает наизусть несколько стихотворений, не спуская глаз с раби.

– Садись, молодец, – тихо говорит раби, – хороший мальчик. Быть тебе талмудистом!

Солнце стояло в зените и слегка начало клониться к западу. Раби Шолум вынул из нагрудного кармана бешмета массивные золотые часы с выбитыми на крышке медалями, открыл, посмотрел на циферблат, поднёс к уху, послушал ход и, убедившись, что времени уже действительно много, объявил, что занятия на сегодня окончены. Вскочив на ноги, подталкивая друг друга, мальчики шумной толпой выбежали из класса. Улица, заполнившаяся криками радости, шумом и смехом, постепенно пустела – дети расходились по домам. Бойкий Шимке, оказавшийся сегодня удачливее других, радостный торопился рассказать дома о своих успехах в школе. А вот Дониль домой не спешил. Он рассеянно блуждал по улочкам слободки, и весь огромный мир был ему не мил. «Ну почему я не родился девчонкой? – грустно размышлял он. – Вот был бы девчонкой, и необязательно было бы ходить на уроки раби Шолума». Мальчик бродил долго, устал, проголодался и наконец решил пойти домой.

– Что случилось? – взволнованно воскликнула мать, ожидавшая сына у ворот. – Где ты был? Соседские ребята давно дома! – Едва увидев Айбат, Дониль тут же заплакал, уткнувшись лицом в её грудь. – Ой! Бедный мой ребёнок! Умереть мне перед тобой! Почему ты плачешь? Кто тебя обидел? Говори!

– Раби! Не хочу учиться, не хочу ходить на уроки к раби Шолуму. Он кричит, ругается и обзывается! Не пойду больше! – всхлипывая, бормотал Дониль.

– О, Боже! Что я слышу? Ты не вздумай отцу такое сказать. Если будет спрашивать, не жалуйся и ничего плохого

про раби не говори! Пойдём, я тебя покормлю. Ты же с самого утра голодный. Выпей сладкий компот с чуреком и ложись, отдохни на тахте. У тебя был первый день занятий в школе, а он всегда и у всех самый трудный. Всё будет хорошо.

Увидев любимого внука на пороге, бабушка Мозол встала с тахты и пошла навстречу ему:

– Наконец-то пришёл! Мой богатырь, мой кормилец!

Она крепко обняла внука, поцеловала в обе щёки, но он только нахмурился и отвернулся.

– Ты что, со мной разговаривать не хочешь? – обиженно спросила Мозол. – Я твоя бабушка, чтоб я умерла! Я тебя маленького в колыбельке нянчила, песенки тебе пела, пелёнки меняла, попку твою мыла и вытирала, когда ты болел, ночами не спала, сидела рядом..., а теперь ты со мной говорить не хочешь? – ворчала бабушка, но, увидев слёзы на глазах внука, испугалась. – Что случилось? Кто тебя обидел, кто огорчил? Подрался, может, с кем? Говори скорей, чтоб я умерла.

Дониль молчал, лицо его выглядело уставшим и измученным, глаза смотрели печально и виновато. И вдруг со злобой, громко плача навзрыд, сказал:

– Не хочу я больше ходить к этому бородатому раби! Он ругается, обзывается, а все смеются!

– Вой, вой! Лучше бы не слышали мои уши твоих слов! Как ты посмел их произнести? Если кто узнает, тебя выгонят из Талмудтора!

– Пусть выгоняют! Я и сам туда не пойду! – сердито возразил мальчуган.

– Ох, ох! – застонала бабушка, – горе, горе нам с тобой! Ты что, хочешь остаться безграмотным и работать всю жизнь грузчиком? Вон смотри, внук кожевника Овшолума почти такой, как ты, а уже читает книги пророка Моисея, царя Давида и Соломона. Раби Шолум хорошо учит детей. Твой отец

тоже учился у него, и не дай Бог, чтоб он услышал твои слова! А твой покойный дедушка был другом раби Шолума. Не обижайся и не ленись, учись хорошо, внимательно слушай раби. Всё бывает, но ходить в Талмудтора и учиться надо!

Пока бабушка старалась погасить обиду внука, Айбат то-ропливо готовила еду, чтобы накормить сына. Поставила варить мясо, быстро раскатала тесто, порезала на квадратики и бросила их в мясной бульон, приготовила чесночную приправу, накрыла стол праздничной скатертью и только тут заметила, что ее уставший и перенервничавший богатырь уснул голодным. Когда пришёл с работы Захар, Айбат всё же разбудила сына, чтобы могли все вместе поужинать, но, немного поев, Дониль вновь стал клевать носом. Первый учебный день будущего талмудиста подходил к концу, а обид и впечатлений за этот день у него было больше, чем за все предыдущие восемь лет. На следующее утро маме с бабушкой стоило больших трудов отправить мальчика в школу, но, к его удивлению, второй день прошёл более спокойно и завершился благополучно. Так пролетела первая неделя. Не только для учеников, но и для раби эта неделя была самой трудной. Однако она прошла, ребята освоились, и учителя постепенно разобрались, кто есть, кто, кто что знает и, кто для какой группы подходит.

Накануне святой субботы все ученики и учителя выглядели очень усталыми. День был невероятно душным, наверное, опять перед дождем. В конце занятий, вытирая платком обильный пот с лица и бороды, раби медленно объявил, кто и в каком классе будет учиться со следующей недели, и пожелал детям «Шобот шолом!»

...Пройдут годы, пройдут десятилетия. Дониль закончит горско - еврейскую школу, потом получит аттестат в русской школе. В 1939 году власти закроют нимаз, а заодно и школу (может, и хорошо, что его первый учитель не увидел этих

чёрных дней)... А потом будет война. Дониль уйдет на фронт, достойно будет сражаться с фашистами и вернётся живым, станет отцом, потом дедушкой. Но каждый год до конца жизни, целуя детей, а потом и внуков перед выходом в школу первого сентября, он будет вспоминать свой первый учебный день, бабушку и маму, свою горско-еврейскую школу Талмудтора и своего первого учителя раби Шолума.

Песах на берегах горной Сунжи

Весна на Кавказе богата яркими и удивительными красками. За рекой Сунжи, на том берегу, начинает пробиваться сочная молодая трава, и взору открывается широкая, мягкая, зелёная даль. На пригорке шелестит едва распустившимися листочками ива, та самая, что уже много лет, склонившись над горной быстрой рекой, касается её вод гибкими ветвями. По всей округе раздаётся радующее слух щебетание прилетевших издалека птиц-певунов. Просыпающаяся природа как бы оповещает жителей слободы о приближении пасхальных дней. И слобода горских евреев после холодных зимних дней будто преображается. С восхода до заката не смолкают здесь шум и гам, людской гортанный говор. И все разговоры только о приближающемся празднике Нисону. Женщины в своих дворах готовят особую домашнюю кислоту, которой моют и чистят до блеска всю посуду: кастрюли, самовары, чайники, сковородки, тарелки, ножи, ложки и вилки. Многие женщины идут к реке и там чистят свою посуду песком и древесной золой. Во всех домах идёт уборка: женщины, девушки и даже дети помогают убирать в доме; белят стены, моют, стирают, вешают на окна и двери новые занавески, выбрасывают всё лишнее и устаревшее, а мужчины ремонтируют то, что нужно, и поправляют завалившиеся после зимней непогоды заборы и плетни.

Стены домов чисты и побелены, все комнаты внутри сверкают снежной белизной. Полы во многих домах ещё земляные, их аккуратно и гладко обмазывают глиной и, после того как они высохнут, застилают половиками или коврами. Каждый хозяин старается по возможности улучшить обстановку в своём доме, сделать уютнее, красивее, ведь приближаются дни великого еврейского праздника. За несколько дней до Нисону, иногда и в самый канун праздника, жен-

щины и девушки в белых халатах, чистых передниках, засучив рукава, раскатывают пресное тесто на тоненькие круги, затем специальным зубчатым колёсиком выводят на нём узорчатые рисунки и отправляют в печь. Почти в каждом дворе есть печь или тонур. Серый дым из всех дворов густыми клубами поднимается к самому небу – выпекается праздничная маца. Во многих дворах режут корову или барана. Все семь дней праздника Нисону готовят вкусные и обильные обеды.

К Нисону всё женское население слободы старается сшить или купить себе и детям новую одежду, а мужчины – приобрести новый костюм, бешмет или черкеску, сапоги, добротную каракулеву папаху.

Вот и наступает первый вечер праздника Нисону. Солнце склоняется к западу, медленно скрывается за горами, день догорает точно праздничная свеча. Шум, стоявший все предыдущие дни на улочках горско-еврейской слободы, постепенно умолкает, и над ней воцаряется торжественная тишина. На улицах и в переулках уже не встретишь ни одной души. В окнах домов зажигаются огоньки праздничных свечей.

Первыми появляются на улицах и нарушают тишину шумные резвые мальчишки. Нарядные, красивые, они бегают, перегоняя друг друга. Им весело и радостно, наступил праздник! А вот и почтенные седобородые старики. Они важно идут, опираясь на крючковатые палки, и, глядя перед собой, о чём-то беседуют. В свободной руке – бархатные или шёлковые мешочки, в которых сложены сидур и талид. Следом за ними на синагогальную площадь направляется и всё мужское население слободы. Одеты все торжественно, нарядно. Черкески и бешметы подпоясаны серебряными поясами с галунами, но без кинжалов, в добротных сапогах, каракулевых папах, много мужчин одето по-европейски.

Чуть поодаль за мужчинами отдельной группой движутся седоволосые богобоязненные старушки в новых платьях и больших тёмных платках. Среди них выделяются женщины в дорогих красивых нарядах. Все идут послушать праздничную молитву. Горско-еврейская синагога, построенная три десятка лет назад, с каждым годом становится всё красивее: к ней что-то добавляют, пристраивают, и она как бы преобразается. Внутри всегда нарядно и празднично. Стены сверкают белизной, величественно возвышается недавно выстроенный большой красивый шкаф, в котором хранят Сифир-Торы. Восточную стену украшают десять заповедей, написанных крупными буквами, и большая шестиконечная звезда Давида. Красочный мозаичный пол покрыт коврами. Посреди большого зала стоит высокая кафедра, по четырём углам установлены большие серебряные подсвечники. В них ярко горят праздничные свечи. От большого количества пасхальных свечей в помещении стоит удушливый восковой запах.

Женщины и девушки поднимаются по лестнице на балкон, в женскую половину, и сосредоточенно смотрят в зал, ожидая начала.

Перед кафедрой – несколько рядов скамеек с откидными сидениями. На них расположились почтенные люди общины, джаамат и старики, хорошо знающие Тору, которые ежедневно приходят на все молитвы. Далее разместились те, кто пришёл первым. У открытых дверей синагоги толпится народ – внутри уже нет места. Наступает торжественный момент: главный раввин поднимается по ступенькам на кафедру, останавливается у тумбы, на которой лежат священные книги, и поднимает взгляд на людей. В зале все затихают, замолкают даже те, кто стоит перед дверьми на площади.

Постарел раби Давид, изменился. Руки у него слегка трясутся, да и весь он иногда по-старчески трясётся. Однако держится властно, уверенно и по-прежнему продолжает пользоваться уважением общины.

Раввин начинает молитву. Читает с гортанным акцентом, характерным для горских евреев. Голос у него слегка приглушён, в праздничной пасхальной молитве слышатся особые нотки: это будто песня, похожая на плач или стон о судьбе еврейского народа в Египте, жалобы и мольбы к Всевышнему. От такого чтения по рядам то и дело пробегает стон, у кого-то из груди вырывается вздох. Строку за строкой читает раби Давид молитву, посвященную истории исхода евреев из Египта, а слушатели тихонько повторяют за ним.

– Хвала Господу Богу! Хвала пророку Моисею, спасшему народ наш от рабства и приведшему на Святую Землю! Омин! Омин!

– Омин! Омин! – вторят люди вслед за раввином.

Так из года в год, вот уже много лет, читает раби Давид своей общине эту пасхальную историю, а все внимательно слушают, будто слышат её впервые. И пусть нет уже былой силы, но молится старый раввин горячо и торжественно, хотя ему уже давно за восемьдесят.

На женской половине за всё время чтения молитвы никто не шевельнулся. Женщины пристально глядят в сторону раби, стараются не пропустить ни одного слова, вникнуть и понять смысл праздничной молитвы. А вот дети уже подустали, где-то в толпе слышны голос и тихий смех. К нарушителям на цыпочках подходит Симха, сторож синагоги, и грозит пальцем, или сам раби Давид бросает на них строгий взгляд, качает головой, и шум немедленно прекращается. В конце молитвы раби Давид возносит руки вверх, и взор свой устремляет туда же, к Всевышнему:

– В этом году мы здесь, а в будущем году быть нам на Земле предков в Ерушалаиме! Омин!

– Омин! Омин! – повторяет за ним община.

– Э салойгэ шор расошит!¹ – обращается раввин ко всей общине.

– Омин! Омин! – благодарно вторят люди, и начинается движение: каждый старается приблизиться к священному свитку и поцеловать его, все поздравляют и обнимают друг друга, приглашают зайти в гости. Постепенно зал и площадь перед синагогой пустеют: люди расходятся по домам к своим праздничным столам, чтобы начать пасхальную трапезу. На слободу опускается тёплая весенняя ночь, небо переливается яркими жёлтыми блестящими звёздами. Каждый, заходя к себе во двор, молча смотрит на небо, на эти звёзды. О чём они думают? Может, о чём-то своём? Одни размышляют об исходе евреев из египетского рабства, другие – когда и как они смогут попасть в Ерушалаим...

¹ Э салойгэ шор расошит (*горско-еврейский*) – Что б каждый наступающий год, был радостным для вас.

На пороге XX века

Высоки Кавказские горы. Отсюда, сливаясь из множества чистых горных родников и ручьёв, берет свое начало река Сунжа. Как резвый конь рвётся она сквозь ущелья вниз. Вырвавшись на равнину, течёт сначала по землям Осетии, Ингушетии, затем, делая замысловатые повороты, несёт свои воды по Чечне, входит в Грозный и делит его на две части. Разделив и обогнув город, она течёт дальше и вливается в буйный Терек. Весной во время стремительного таяния снегов и длительных ливней Сунжа становится опасной, бурной и непредсказуемой, как все горные реки. Не зря же ей дали имя Сунжа, что в переводе с тюркского означает «обильная». Разбушевавшись, она неоднократно выходила из берегов, заливала окраины, смывала ветхие домики и лачуги городской бедноты, а иногда затапливала и центр Грозного, унося немало человеческих жизней.

В этом году весна была ранняя, пришла в середине февраля. Ещё вчера стояли холода, по ночам подмораживало, и вдруг подул тёплый ветер, снег под ногами начал таять, превращаясь в грязную кашу, к вечеру над городом нависли тёмные тучи, а ночью раздался жуткий гром, как будто небо раскололось пополам, ярко сверкнула молния, и разразилась гроза.

Три дня, не переставая, хлестал холодный ливень. Дождь не утихал, а порой усиливался, гневно обрушивался на землю, превращая немощёные улицы города в сплошное болото. Непролазная грязь стояла на узких улочках слободы горских евреев, где не было даже тропинок из щебёнки. Несколько мощёных дорожек у домов состоятельных семей и те залило водой и грязью.

В основном в еврейской слободе дома были из самана, обмазанного глиной, низкие, похожие на жалкие лачуги. Казалось, что они все будто прогнулись под этим ливнем, прося

Бога о пощаде. Лишь несколько домов, сделанных из добротного красного кирпича, стояли, как царские хоромы, не теряя своего величия и достоинства даже перед таким ливнем.

Слободчане сокрушённо вздыхали и, вознося руки к небу, спрашивали у Бога:

– Ой, Худо! За какие наши грехи льёт и льёт как из ведра этот проклятый дождь?! Стены наших домов подмыло так, что они вот-вот рухнут! Если это случится ночью, мы все погибнем! Помогите!

Вода в реке прибывала и прибывала, грязные пенные волны с шумом ударялись о край берега. И вот случилось то, чего больше всего боялись люди: к вечеру на третьи сутки Сунжа вышла из берегов и разлилась по узким улочкам, затопливая слободу.

– Эй! Люди! Сунжа вышла из берегов, – раздавались со всех сторон тревожные крики жителей слободы.

Стар и млад, закатив штанины, а женщины и девочки, здоров подолы своих платьев до колен, бегали, перепрыгивая через огромные лужи ледяной воды, и перетаскивали из затопленных крайних домов вглубь слободы, к родственникам, всё, что можно было спасти из домашнего скарба.

Молитвенный дом от берега Сунжи был третьим. Вода уже вошла в его двор и вот-вот могла проникнуть внутрь помещения. Местный шомош¹ Ивиль, ковыляя на своей деревянной ноге, выскочил за ворота и стал сзывать людей:

– Эй, халгь!² Помогите! Вода заливают нимаз, надо спасать Сифер-Торы и выносить вещи.

Ивиль жил во дворе молитвенного дома, а спал в одной из комнаток на узкой тахте. Он был человеком честным, исполнительным и преданным, поэтому народ и выбрал его хранителем молитвенного дома. У него не было семьи, да и

¹ Шомош (горско-еврейский) – сторож.

² Халгь (горско-еврейский) – народ.

близких родственников тоже. Ивиль был крепкого телосложения, и хотя ему было давно за пятьдесят, а вместо ноги – деревянная колотушка, шомош и с ней чувствовал себя уверенно, поскольку мог при надобности свалить двух мужиков. Ноги лишился во время русско-турецкой войны, когда служил в царской армии. По характеру он был добр и порядочен, с любым мог найти общий язык и любой спорный вопрос решить с миром, за что и уважали его слободчане. Многие прибежали на зов Ивиля, бросив свои дела, спасать вещи нимаза и Сифер-Торы. Вынося и спасая вещи, люди с возмущением говорили между собой:

– Сколько раз можем подвергать священное место опасности. С водой, как и с огнём, шутки плохи. Уже однажды, сорок лет назад, когда горела старая слобода, и нимаз сгорел, люди не смогли спасти дом Бога от пожара, а сейчас вода может погубить его снова. Надо что-то думать и искать новое безопасное место для нимаза.

Наконец на четвёртые сутки дождь прекратился. Ночью ветер погнал тяжёлые чёрные тучи куда-то на запад, пронизывающий до костей холодный ветер постепенно стих. Из-за Кавказских гор в серебристо-сером тумане пробуждался новый день. Первые лучи солнца пробивались в молочной дымке, и, как в далёком мираже, начали проступать очертания низких, сгорбившихся от ливня, домиков слободской бедноты и добротные дома состоятельных семей. Со всех сторон, как по команде, стали кукарекать петухи, которых не было слышно в дни дождей. Слобода горских евреев пробуждалась ото сна после четырёх тревожных ночей. Над избами появился серый дымок домашних очагов. Во дворах и узких улочках слышались гортанные голоса слободчан. Вдали раздался свист пастушьего кнута:

– Эй, хозяйки, выгоняйте скотину, выгоняйте коров!

Скрип ворот, мычание коров, блеяние овец, людской говор – всё слилось в привычный шум наступающего утра. Громыхая, покатились по улицам подводы, фургоны. Фаэтоны направились кто на биржу, кто на привокзальную площадь. Мелкие торговцы спешили на базар, чтобы занять хорошее место. Опираясь на свои толстые палки и глядя прямо перед собой, шли в нимаз на утреннюю молитву седобородые старики, аккуратно одетые, молчаливые и строгие.

После завершения молитвы никто не расходился. Все прошли в соседнюю комнату, где обычно пили чай, а в праздничные и торжественные дни устраивали застолье. Когда все расселись, раби Шельми Якубов обратился к собравшимся людям:

– После этого наводнения, которое, чуть было не затопило молитвенный дом, нам нужно собрать на сход весь народ и решить, как быть дальше. Нужно выбрать новое безопасное место для нимаза и добиться разрешения властей на постройку. Я предлагаю собрать сход нашей общины, в ближайший шобот после вечерней молитвы.

Многие в те дни предлагали построить нимаз на их земельном участке. Своё предложение внесли Ифреим и Исроиль из рода Худойнатовых. Сход общины решил, что на земле Худойнатовых, находящейся далеко от реки Сунжи, в центре слободы, самое безопасное и удобное место для нового нимаза, и постройку надо начинать именно там. Вскоре получили разрешение от городских властей и начали строительство. Разметили участок, очистили и выровняли землю, начали рыть котлован для фундамента. Котлован копали все жители горско-еврейской слободки, приходили даже «сто-летние» старцы – все хотели принять участие в строительстве нимаза. В шести углах фундамента положили по несколько золотых монет из общинных денег. Помогать в его постройке приезжали представители многих еврейских общин – каменщики, плотники, кровельщики, жестянщики, лучшие мастера

из разных городов и селений. Через год, в канун Рош а-Шана, в 1900 году (а по еврейскому летоисчислению в 5661 году), новый келе нимаз¹ принял под свои своды многочисленных гостей и молящихся. По размерам, красоте и блеску не было ему равных на всём Северном Кавказе.

Заканчивался 19 век. Евреи Грозного вместе со всем человечеством стояли на пороге нового столетия – XX века. И никто из них, радующихся в этот светлый день открытия нового келе нимаза, конечно же, не мог знать, свидетелем каких событий суждено будет стать их новому Божьему дому.

Прошли годы. И вот уже 21-й век вступил в свои права. Город Грозный после многих бед, разрушений и страданий, выпавших на его долю, говорят, очень изменился. Евреи там больше не живут, а келе нимаз долго ещё стоял, как напоминание, о когда-то жившей здесь, горско - еврейской общины города, разбросанной сегодня по всему миру.

¹ Келе нимаз (*горско-еврейский*) – большая синагога.

Содержание:

От автора	3
Кровник	5
Две жены одного мужа	36
Осенние свадьбы	69
Развод по-кавказски	74
Первенец	82
Первый урок	94
Песах на берегах горной Сунжи	103
На пороге XX века	108

Михаил Елизаров

По обычаям гор, по законам Торы

Печатается в авторской редакции.

Корректурa: Лариса Чайковская

Вёрстка и художественное оформление:

Шауль Симан-Тов

Сборник подготовлен к изданию и выпущен Центром
сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
при поддержке фонда «СТМЭГИ»

Подписано к печати: 17.03.2018

Гарнитура: Times

Отпечатанно в Израиле.

www.sholumi.com - sholumi@gmail.com

© Михаил Елизаров 2018, Israel

© «Sholumi» 2018, Israel